

Анна МАЛЫШЕВА

**ОТРАВЛЕННАЯ
ЖИЗНЬ**

Трудно найти
живого свидетеля
убийства, особенно
если он мертв

Анна Малышева

Отравленная жизнь

«Издательство АСТ»

Малышева А. В.

Отравленная жизнь / А. В. Малышева — «Издательство АСТ»,

Преступление, совершенное много лет назад... Преступление, ключ к которому зашифрован в картине... Художница, взявшаяся за реставрацию этой картины, еще не знает, что случайно стала обладательницей тайны. Тайны бесценной - и смертельно опасной. Тайны, которую хотят оставить нераскрытой очень многие...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Анна Малышева

Отравленная жизнь

Посвящаю моему мужу

Глава 1

– Саня, это тебя!

Девушка вздрогнула и поспешила закрыть кошелек. Она едва успела бросить его на стол, туда, откуда взяла. В ту же секунду в комнату заглянул Федор:

– Тебя какая-то мадам к телефону. Ты будешь с ней говорить?

– А кто это? – Саша чувствовала, что щеки у нее полыхают. Никогда в жизни она не рылась по чужим карманам и кошелькам... И вот, на двадцать восьмом году жизни, пришлось. Но парень, казалось, ничего не успел заметить. Он пожал плечами:

– Я не спросил кто. Она тебя по фамилии назвала. Так ты подойдешь или сказать, что дома нет?

Саша вышла на кухню и взяла со стола телефонную трубку. Женский голос, который она слышала, был ей незнаком.

– Мне нужна Александра Мордвинова, – сказала женщина.

– Я Мордвинова, – созналась Саша. – А вы, простите...

Закончить фразу ей не дали. Женщина напористо перебила:

– Вы меня не знаете, впрочем, я вас тоже. Знакомые мне сказали, что вы берете на реставрацию картины. Это верно?

– Я, в общем... – Саша запнулась. С самого утра ее занимали совсем другие мысли. О работе она думала меньше всего.

– Так да или нет? – уже раздраженно переспросила женщина.

– Я бы взяла, – нерешительно подтвердила Саша. – А что у вас такое?

Но женщина, не вдаваясь в подробности, сказала, что будет у нее через час, привезет картину, тогда обо всем и договорятся. Напоследок она высказала довольно странную просьбу:

– Только я вас прошу, чтобы при этом не было посторонних.

Саша промямлила «хорошо», и абонентка отключилась. Девушка положила трубку. Спустя минуту она поймала себя на том, что все еще стоит на месте, бессмысленно уставясь в окно. То есть в полном смысле слова – бессмысленно. Ей было так горько, что она даже мыслей своих начинала бояться. И причиной тому был вовсе не этот звонок.

– Ну, кто это звонил?

Она не ответила, продолжая смотреть в окно. Девушка слышала, как Федор шарит на полке с посудой, наливает себе воды из-под крана, жадно пьет, с грохотом ставит чашку обратно и выходит. Слушая эти звуки, она ощущала что-то совсем новое – и это была ненависть. В эту минуту Саша так его ненавидела, что хотела только одного – чтобы он ушел. И парень будто услышал ее немую просьбу – через некоторое время хлопнула входная дверь. Он не сказал, когда его ждать, не сообщил, куда пошел... Девушка помолилась про себя, чтобы он вообще не возвращался. И тут же испугалась этого желания.

Саша встретила Федора полтора года назад. Это было в Питере, где они вместе учились в Академии художеств. Саша к тому времени уже заканчивала учебу и собиралась возвращаться домой, в Москву. А Федор только что поступил на отделение ваяния. Он приехал из Архангельска и при первой же встрече сообщил Саше, что в его семье все – потомственные резчики по моржовой кости. Точно так же, как у его прославленного земляка Федота Ивановича

Шубина. Теперь-то Саша знала, что тут он соврал, но все же прощала его. Разве так уж важно, какие у парня были предки, если сам он несомненно талантлив.

Они познакомились в студенческой столовой, оказавшись за одним столиком. Если бы не эта случайность, вряд ли бы они вообще узнали друг о друге. Разные специализации, разные курсы, и жили они в разных частях города. Федор – на Васильевском острове, в общежитии. А Саша не только не жила в общежитии, она там вообще старалась не показываться. Грязь, теснота, тараканы, вечная неустроенность, вечные пьянки... Она снимала комнату на набережной Фонтанки. Деньги ей присылали родители из Москвы. Саша то и дело собиралась подзаработать, начать продавать свои картины на Невском... Но тут же отговаривала себя – там своих художников полно. Да и зачем заниматься ширпотребом, если и без этого можно прожить? Федор, когда услышал эти рассуждения, полностью ее поддержал:

– Куча народу вообще непонятно на что существует, и ничего! Не помирают!

Сам он тоже существовал «непонятно на что». Уж ему-то из Архангельска не присылали ни копейки. Сейчас Саша уже хорошо представляла тамошнюю обстановку. Деревянная «историческая» развалюха на Соломбале. Прогнившие от старости дощатые полы. Отец, давно потерявший от пьянства человеческое подобие, бывший рыбак, теперь – инвалид-пенсионер. Мать – иссохшая женщина с опухшей щитовидкой и выпученными яростными глазами. И жена... Да, ребенок и жена.

Но в те первые недели их знакомства ни о жене, ни о ребенке не было и речи. И вообще, родной город, по словам Федора, был чудом из чудес, и он обещал Саше, что они непременно туда отправятся. Вместе. К тому времени они уже все делали вместе. Вместе жили в комнате на Фонтанке, вместе покупали пироги с картошкой и клюквой, вместе ходили в кино и музеи. Федор был моложе ее всего на год, но Саша держала себя с ним немного покровительственно, почти по-матерински. Она и сошлась с ним больше из жалости, чем из любви. С любовью, как она думала до этого, было уже покончено.

Первую любовь она пережила и бросила еще в Москве, в последнем классе школы. Второй роман – на первом курсе Академии художеств. Окончился он нервным срывом, известной операцией и похуданием на пять килограммов. После этого Саша пережила еще несколько увлечений – более или менее серьезных, но уже без таких зловещих последствий. И, наконец, незадолго перед тем как она встретила Федора, девушка решила бросить все эти глупости и вплотную заняться учебой, а также самой собой. Она постриглась и выкрасила в медный цвет свои от природы каштановые волосы. Впервые в жизни купила себе помаду. Как ни смешно это звучало, но все художницы почти не пользовались косметикой. А если уж пользовались, то с таким чисто русским размахом, что страшно было смотреть. Саша готовила дипломную работу, строила планы на будущее и очень мало внимания обращала на парней. Но Федор...

Он казался ей большим ребенком – наивным, нежным, неприспособленным к жизни. Даже в его внешности было что-то детское – слабо вздернутый нос, сонные синие глаза и эта вечная вопросительная улыбка. И детская беспечность. Деньги, когда они у него водились, Федор запихивал в самый дырявый карман, в морозы выбегал на улицу без шапки и шарфа, вечно где-то забывал ключи, куртку, сигареты, зажигалки... Но как ни странно, это не злило Сашу. Она сама была почти равнодушна и к порядку, и к деньгам. Девушка радовалась, что встретила близкую душу. Ни с одним мужчиной ей не было так легко и радостно. Он был нежен, внимателен, охотно подчинялся и, казалось, полностью попал к ней в зависимость. Кроме того, при всей своей непрактичности Федор на удивление хорошо готовил. Саша только рот разинула, когда он за один вечер наварил два ведра капусты, засолит горбушу и сварил щи. Сама она хозяйством почти не занималась, но тут проняло и ее. Они готовили по очереди, а когда перевод из Москвы запаздывал и не на что было приготовить настоящий обед – перебивались пирожками из кулинарии. Вместе ходили на занятия, вместе возвращались. Если у Федора

занятия заканчивались раньше, он ждал Сашу напротив академии, на набережной, у сфинксов. Сашины подружки усмехались и завидовали.

– Все у вас хорошо, только поздно... – как-то сказала Саше одна девица.

– Почему поздно? – удивилась Саша. Она решила, что подружка намекает на ее возраст. Но сейчас, в двадцать шесть, девушка чувствовала себя куда моложе, чем в шестнадцать. Она необыкновенно похорошела, и это всем бросалось в глаза.

– Ну, почему... – ядовито усмехнулась та. – Ты через пару месяцев уедешь в свою Москву, а ему тут еще лет пять париться. Или ты решила нагуляться под конец?

Слово «нагуляться» больно резануло ей слух. Значит, так это выглядит со стороны? «А как это может выглядеть? – спрашивала она себя. – Действительно, как сошлись, так и разойдемся...» Но стоило только всерьез подумать, что скоро придется расстаться, как ей становилось очень горько. Саша и сама не представляла, до какой степени привязалась к этому парню. И ей страшно было подумать, что любовь – вот она, но только придется от нее отказаться...

Однако Федор быстро разрешил все ее муки. Когда Саша намекнула, что скоро ей придется уехать в Москву, он на секунду задумался, а потом заявил, что поедет с нею.

– Если хочешь, конечно, – добавил он.

– А как же учеба? – Саша все еще не понимала, что он говорит серьезно.

– Ну, подумаешь... В Москве куда-нибудь поступлю, – беспечно отмахнулся он.

У Саши было еще много сомнений и вопросов. Если Федор едет с нею, то жить у родителей им будет нельзя. Там тесновато, да и как они отнесутся к такому прибавлению? Значит, нужно снять жилье. Для этого нужны деньги, да и вообще, надо как-то зарабатывать на жизнь... Кто же будет это делать? Она или Федор? И потом... Раз уж дело пошло всерьез, то как быть с женитьбой? Оформлять регистрацию в ЗАГСе или жить так?

Она посоветовалась с Федором только насчет последнего вопроса, и он тут же ответил, что распишется с удовольствием, а если нет, то «может жить и так». Наступило лето. Саша успешно защитила дипломную работу, упаковала несколько ящиков со своими вещами и отправила их в Москву в багажном вагоне. А затем они с Федором уселись на утренний поезд, и через восемь часов Саша увидела наконец лица своих родителей.

Однако особой радости на их лицах как-то не наблюдалось. Конечно, мать обняла Сашу, отец ее поцеловал... Но оба держались как-то скованно. Им очень мешал Федор, который ни на шаг не отходил от невесты и, по обыкновению, улыбался.

– Я вам говорила по телефону... Это Федя, – девушка и сама глуповато заулыбалась.

Родители все же взяли себя в руки. Только поздним вечером, когда Федор удалился в ванную, на девушку напали с расспросами.

– Он что – надолго здесь обоснуется? – громким шепотом спрашивала мать. – У вас что – всерьез?!

– Да. – Саша взглянула на отца, ожидая хоть какой-то поддержки, но тот явно избегал ее взгляда. Дела были плохи, и девушка впервые поняла, что Федор здесь и впрямь лишний. – Но он ведь будет жить в моей комнате.

– Слушай, ты уже не маленькая, – подал голос отец.

– Это что за архангельский сувенир? Здоровый детина, кто его будет кормить?!

– Он устроится на работу! – защищалась Саша.

– Кто его возьмет без прописки?

– Ну, почему без... – нерешительно произнесла она. И тут скатилась лавина. Мать, уже не понижая голоса, поклялась, что этот парень пропишется здесь только через ее труп! А отец добавил:

– Мы не так богаты, чтобы подарить ему полквартиры! Другой у нас нет!

– Ну почему подарить... – Саша уже плакала. – Вы и не заметите...

– Не заметим, как он подаст на развод и отсудит себе одну комнату! – отрезал отец. – Нет, милая, живите вместе, если уж так хотите... Но его тут никто не пропишет. И я с ним на этот счет прямо поговорю. Пусть не рассчитывает!

Федор вел себя на удивление спокойно. Казалось, его ничуть не трогало такое негативное отношение родителей невесты. К Сашиному удивлению, он продолжал обнаруживать хозяйственные таланты. В частности, застеклил балкон – один, без посторонней помощи. После этого отец его почти зауважал, но мать по-прежнему держалась твердо. Она или не говорила с ним, или цедила сквозь зубы: «заправьте постель», «уберите за собой», «закройте окно» и тому подобное.

Через месяц Федор засобирався в Архангельск. Сашу он с собой не брал – не было денег. Эту поездку, кстати, тоже финансировали Сашины родители. Они дали денег на билет с великой радостью – надеялись, что парень уже не вернется. Но не прошло и десяти дней, как Федор появился в Москве и уже официально, при родителях, сделал Саше предложение. Она ответила «да», стараясь не видеть, какие при этом глаза у мамы. Отец к тому времени уже соблюдал нейтралитет. Он успел заметить, что руки у будущего зятя золотые, а значит, тот как-нибудь прокомит себя и жену.

Молодые прожили с родителями до самой зимы. Федор прописался – и не через труп тещи, как было обещано, а самым обычным образом, без уголовщины и членовредительства. Саша нажала на отца, тот – на жену, и заявление о прописке в конце концов подписали все. Парень устроился работать на малое предприятие, изготавливавшее деревянные двери и окна. Ни о какой учебе, ни о каком ваянии уже и речи не было. Зато он зарабатывал достаточно, чтобы снять наконец отдельную квартиру.

Только теперь Саша поняла, что значит свобода. Она больше не зависела от родителей – жила отдельно, на деньги мужа. И наконец-то почувствовала себя взрослой. Угнетало ее лишь одно – она никак не могла заработать что-нибудь сама. Из Питера прибыло два ящика с ее студенческими картинами. Ни одну из них Саше пока не удалось продать. Их не брали на реализацию в художественные салоны. Ими не заинтересовались частные коллекционеры. Стоять на улице и продавать картины самой... Может, Саша пошла бы и на это, но она прекрасно понимала, что в таком случае нужно выставить что-то попроще, подходчивей. Например, зимний закатный пейзаж – алый, будто кровь. Или речку с березками. Об этом ей как-то намекнул и отец. Дочь грустно ответила:

– Ты, пап, прямо как Хрущев.

– А что Хрущев? – обиделся отец.

Саша рассказала ему известный эпизод о том, как Хрущева привели на выставку и подвели к полотну Фалька. «Что это?» – спрашивает Никита Сергеевич. «Обнаженная» Фалька», – отвечают сопровождающие. Генсек поморщился: «Что ж он, какую-то голую Фульку нарисовал... Неужели бабы получше не нашлось? И вообще, нарисовал бы лучше что-то возвышенное. Например... лес в зимнем убранстве!»

До «леса в зимнем убранстве» Саша унижаться не собиралась. Всю весну она упорно работала, надеясь, что рано или поздно картины начнут продаваться. Но никакого заработка не было. Только пару раз ей случайно подкинули работенку – какие-то хорошие родительские знакомые получили наследство. Среди прочих предметов старины они унаследовали также и картины. И вот, чтобы поддержать начинающую художницу, они принесли ей на реставрацию пару пейзажиков конца девятнадцатого века. Картины были очень посредственные, нестоящие, и работы с ними было немного. Но заработала Саша почти триста долларов, и это ее подбодрило. Она могла хотя бы заплатить за свои краски, холсты и подрамники... Ведь живопись – удовольствие очень дорогое.

– Ничего, – утешал ее Федор. – Как-нибудь перебьемся.

Саша счастливо прижималась к нему и закрывала глаза. Прошел год, как они жили вместе, и она поражалась, неужели ей и дальше будет так же хорошо?! Она гладила его темно-русые, очень густые волосы и шептала: «Мальчик мой послушный, мальчик мой золотой... Давай отложим денег, съездим к твоим родителям? Нехорошо, что мы еще незнакомы». Федор смущенно улыбался и говорил:

– Да они у меня совсем простые... Могут знаешь что-нибудь такое сказать.

– Ну и пусть!

– Нет, не пусть. Ты моего батю не знаешь! – И Федор, произнося эти слова, был уже не похож на мальчика. Его лицо будто темнело, и он старался перевести разговор на другую тему. Саша уже понимала, что жизнь у него дома была не сахарная. Но чего он боится теперь? Ведь он же стал москвичом, приедет домой на правах гостя. А гостей стараются не обижать. Но она не хотела расстраивать его лишний раз и больше не упоминала об Архангельске.

Архангельск сам напомнил о себе. Как-то в начале мая в их съемной квартирке зазвонил телефон. Саша взяла трубку и услышала, что мать каким-то очень торжественным голосом ее поздравляет.

– Что случилось? – удивилась Саша. Она ясно услышала в голосе матери то ли злорадство, то ли какую-то истерическую ноту...

– Ах, что случилось? – все так же неестественно и почти весело переспросила мать. – Да вот, пришла нам повестка из нарсуда. Не желает ли Феденька платить алименты?

– Что... Мама, ты о чем? – заикнулась от неожиданности Саша.

Через час мать сама приехала к ней со злополучной повесткой. Ее прислали из районного нарсуда, и в ней сообщалось, что Агапову Федору Сергеевичу надлежит уплатить алименты в пользу Агаповой Веры Васильевны в связи с таким-то решением архангельского нарсуда от... Был указан один из тех весенних дней прошлого года, когда Саша и Федор были так счастливы вместе.

– Он разведен, – сообщила мать, убедившись, что дочка выучила повестку наизусть. – Ты хоть знаешь, у него мальчик или девочка? Господи боже мой, еще и алиментов вам не хватало! А я что-то такое предчувствовала! Ну, ты и дура! Надо было хоть в паспорт ему заглянуть перед свадьбой!

Мать в сердцах прихлопнула повестку ладонью и загремела чайником. Саша сидела, будто деревянная, и ничего не понимала. Мысли ворочались как-то тяжело, и она никак не могла осмыслить того, что случилось. Федор разведен? Имеет ребенка? Но почему же она слышит об этом впервые? Ей казалось, что никаких тайн между ними нет, что муж – именно тот человек, с которым она может быть откровенна... Так почему же он умолчал о таком важном обстоятельстве, как жена и ребенок?!

Слава богу, мать не дождалась, пока зять вернется с работы. Они разминулись всего на час. Федор долго звонил, а потом, открыв дверь своим ключом, увидел Сашу все в том же положении, в каком ее оставила мать – на кухне, за столом, с повесткой в руках.

– Это что – так важно? – сердито спросил он, когда понял, что случилось.

– Да... А ты как думал? – Саша едва двигала онемевшими губами. – Неужели ты был женат?

– Как видишь.

– И когда же вы развелись? И... почему?

– Развелись весной, когда я тебя встретил. Я послал ей письмо и подал в суд. Она согласилась на развод. А почему? Да потому, что у нас с тобой все началось всерьез, – отрезал он. – Что же мне прикажешь? Обманывать ее? Развелся, и все тут.

– Но у вас ребенок? Один или...

Федор неохотно раскрыл и эту тайну. Ребенок в самом деле был один. Мальчик пяти лет, названный в честь дедушки Сергеем. Оказалось, что Федор женился рано, сразу после армии. Жена в это время была уже беременна от него, и вскоре после свадьбы родился ребенок.

– Но зачем ты скрывал? – с болью спросила Саша.

– Ну, хотя бы затем, чтобы ты не ревновала попусту. – Федор уже понял, что криком Сашу не возьмешь, и заговорил, как обычно, ласково: – Ведь я жену не любил. Можно сказать – никогда не любил. Знаешь, как ребята после армии женятся? Ошалеют за два года без баб, ну и... Бросаются на первую встречную. Глупо, конечно. А любил я только тебя!

Ближе к ночи Саша немного пришла в себя. Конечно, радости от таких новостей не было, но ей казалось, что она поняла замысел мужа. В самом деле, к чему ей мучиться и ревновать, к чему думать, что разбила чью-то жизнь? Ведь это ничего бы не изменило. Только один момент ее немного смущал, и она поделилась с Федором своими мыслями:

– А почему же повестка на алименты пришла только сейчас? Ведь вы развелись год назад?

И тут он ее по-настоящему поразил. Она снова увидела это темное, будто незнакомое, очень жесткое лицо. И услышала несколько грязных ругательств, какие в Москве встретишь редко. Выругавшись, Федор все еще зло добавил:

– Она, сука, обещала на алименты не подавать. Я же ей... такой, сказал – потом как-нибудь привезу денег. Нет, она не вытерпела!

– Феденька... – пробормотала Саша. Он увидел ее глаза и притих. Разделся, и ни слова не говоря, отвернулся и уснул. Девушка не спала до утра.

Алименты Федор понемногу платил. Сходил в нарсуд, сказал, что нигде не работает и трудовой книжки не имеет. Ему назначили алмименты в размере четверти средней зарплаты. Это было куда меньше, чем он бы платил из своей настоящей зарплаты. Саша только удивлялась – оказывается, в этом человеке было куда больше практицизма, чем ей казалось в Питере. Сейчас он был вовсе не похож на того наивного, провинциального мальчика. Парень огрубел, становился то резким, то замкнутым. Иногда Саша даже боялась заговорить с ним – настолько он уходил в себя. Она чувствовала, что счастье уходит между пальцев, как вода или мелкий песок. Старалась его удержать, но все было, как в кошмарном сне – ни сил, ни воли, ни надежды. Девушка пыталась забыться в работе, но и тут дела никак не продвигались. Часто, работая над очередной постановкой, она вдруг замирала и опускала кисть. Что толку стараться, если эта картина все равно никому не нужна? Ее никто не купит. Напрасный перевод денег, холста и красок.

Семейную пару доконал августовский обвал рубля. Через неделю на предприятии, где трудился Федор, произвели радикальное сокращение штатов. Его, как самого молодого и неопытного, уволили первым. В те же дни осталась без работы и Сашина мать.

– Ну, теперь на твои картины надежда плохая, – заметила она при встрече с дочерью. – Вы хоть что-нибудь отложили?

Молодожены не отложили ровным счетом ничего. Большая часть заработка Федора уходила на уплату за квартиру. Остальное подчистую тратилось на продукты и разные необходимые нужды.

– Ну и прекрасно, – язвительно сказала мать, узнав про это. – Ничего другого я и не ждала. Что ж, теперь все сядем отцу на шею. А если еще и его уволят... Не знаю, что тогда делать. Хоть вешайся!

Однако Федор продолжал проявлять деловые качества. Прежде всего он встретился с квартирной хозяйкой и заявил, что прежнюю цену они платить за аренду не могут. Так что если она согласна получать тысячу рублей в месяц – они останутся. А если нет – сейчас же уйдут. Пусть попробует найти других жильцов. И хозяйка согласилась на эти новые условия.

– А где мы возьмем эту тысячу? – жалобно спрашивала Саша.

– Пока в долг проживем, а дальше посмотрим, – отвечал муж. – Я с твоими родителями жить не могу! Хватит, я все-таки не мальчик! Пусть сперва научатся себя вести с людьми!

Саше все было внове – и эти речи, и эта крайняя нужда в деньгах. Она хотела хоть как-то поправить положение. Бегала по знакомым, которые занимались продажей картин. Но все поголовно жаловались на кризис, и никто, как и раньше, ничего у нее не покупал. Девушке удалось найти только одну работу, и это опять была реставрация. Антиквариат, несмотря на скачок курса доллара, в первое время не подорожал, и многие вложили деньги в предметы старины. Саше предложили привести в порядок несколько русских натюрмортов прошлого века, и даже заплатили в валюте.

– Вот если бы и дальше так! – радовалась девушка. – На свои картинки я уже не надеюсь... Ну, и бог с ними! Хоть как-нибудь бы заработать!

Но потом в течение двух месяцев никаких заказов не находилось. Федор устроился на продуктовый склад охранником за какие-то мизерные деньги. Саша несколько раз унюхивала, что от него пахнет спиртным. Но у нее духа не хватало его упрекать. Она видела, что он совсем извелся, всем на свете недоволен и даже на нее старается не смотреть. «А если я ему надоела? – со страхом думала она. – Бросит и уедет... Хотя нет. Куда же ему ехать?! В свою гнилую избу?!»

К тому времени Федор уже полностью раскрыл перед нею все неприглядные стороны своей архангельской жизни. Она узнала, что легенду о потомственных резчиках по кости он выдумал для красоты. Если в его семье и было что-то потомственное, то разве что алкоголизм. Саша узнала, что бывшая жена Федора живет вместе с его родителями в той же избе, потому что она круглая сирота и больше ей идти некуда. И что жизнь у этой молодой женщины, наверное, самая горькая. Но тем не менее Федор говорил о ней всегда с ненавистью.

– Почему ты так ее ненавидишь? – спросила как-то Саша. – Что она тебе сделала? Это же ты ей жизнь сломал, а не она тебе!

– Заткнись! – заорал он, внезапно сорвавшись и вскочив со стула. – Что ты в этом понимаешь, прошмандовка драная! Еще мне мораль читать будешь?! Подохни, удавись!

После этой сцены Саша долго еще дрожала противной мелкой дрожью и никак не могла успокоиться. Не было речи ни о каких извинениях. Да и как она могла предъявлять мужу претензии, если по-прежнему ничего не могла заработать? А Федор все же приносил домой хоть какие-то деньги. И можно было как-то жить, но вчера...

Вчера на квартиру к Сашиним родителям явился судебный исполнитель. Он заявил, что уполномочен произвести опись, оценку и продажу имущества в пользу Агаповой Веры Васильевны.

– Какую еще опись? – Сашина мать до того оторопела, что даже возразить как следует не смогла.

– По закону, если полгода алиментов не платится, то имущество можно описывать, – пояснил судебный исполнитель – совсем еще молодой парень с прыщеватыми щеками и подбритым затылком.

– Да он же платит! – вмешался Сашин отец. – А ну, постойте, я ему позвоню...

Позвав к телефону зятя и объяснив ему это недоразумение, Сашин отец никакого толку не добился. Федор удивился, подумал, помолчал и наконец посоветовал гнать этого исполнителя в шею. Но это было не так-то просто сделать. Парень уже взялся за работу. Первым делом он прошел в комнату и хозяйским оком осмотрел телевизор.

– Будем описывать, – еще внушительнее повторил он.

– Так он платил алименты или нет? – в отчаянии спрашивала мать.

Выяснилось, что Федор уплатил алименты всего за первые три месяца после развода. Так что к настоящему дню он был должен больше чем за год. Им не занимались раньше по простой причине – его дело постоянно переходило от одного исполнителя к другому, а один раз даже потерялось.

– У нас очень большая текучка, зарплата маленькая, – пояснил парень, аккуратно нашлепывая бумажную печать на телевизор.

– Так вы что – продавать все будете? – только сейчас как будто поняла мать.

– Будем, в пользу жены и ребенка.

– Ведь это же наш собственный телевизор! – закричала женщина. – Его тут ничего нет!

– А я этого не знаю, – равнодушно ответил парень. – Если можете представить документы, что аппаратура ваша, то пожалуйста...

Он описал также музыкальный центр и холодильник и удалился, дав только один совет – пусть злостный алиментщик немедленно явится в нарсуд и уплатит задолженность. Сегодня или завтра. А послезавтра может быть уже поздно.

– Какой позор, какая мерзость! – кричала мать, позвав к телефону Сашу. Федор отказался с нею разговаривать и предупредил жену – если ее родители явятся к ним, он их просто не пустит в квартиру. – У нас дома все обшлепано печатями! Дожили! Да ты сдурела, матушка, с кем ты связалась?! Ведь его сыну всего пять лет, так что же это получается – еще тринадцать лет они будут сюда приходить и наше барахло описывать?! Ну вот что, пусть выписывается отсюда к черту, и немедленно с ним разведись! Детей у вас нет, можете пожить и так! Господи, о чем я думала, когда согласилась прописать этого уроды!

Саша выслушала ее и положила трубку. Федор тем временем уже застегивал куртку, готовясь куда-то уйти.

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – спросила Саша.

Как видно, муж ничего говорить не хотел. Он хлопнул дверью и ушел. Вернулся за полночь, подвыпивши, все так же молча разделся и лег рядом с нею в постель. Саша не знала, как ему спалось. Она, как часто бывало в последнее время, никак не могла уснуть. Горечь подступала к самому горлу, душила ее, выжимала слезы из глаз. Ей было жаль себя, жаль родителей, которые, конечно, ничем не заслужили, чтобы у них отняли с трудом нажитые вещи. Девушка даже не хотела спрашивать, почему муж так небрежно отнесся к алиментам. Он все равно ничего бы не ответил. А может быть, обругал бы ее. «Надо что-то придумать, – Саша беспокойно ворочалась с боку на бок. – Так жить нельзя, мы уже столько должны квартирной хозяйке... Нужно платить ей, нужно найти денег на алименты... Где же их взять?»

Утром она все-таки решилась потребовать, чтобы Федор сам разбирался со своими обязанностями по отношению к бывшей жене и не впутывал в это родителей. Тот спокойно ответил, что все уплатит сегодня же.

– Откуда у тебя столько денег? – недоверчиво спросила она. – Я посчитала, что ты должен не меньше трех миллионов.

– Ну и заплачу.

– Сегодня?

– Сегодня!

В это время зазвонил телефон, и Федор вышел взять трубку. А Саша бросилась к столу, где он забыл свой кошелек. Открыла его... И нашла там всего около ста рублей. Он опять соврал! Он и не собирался платить долги! Да, это был черный день, чуть ли не самый черный в ее жизни. И даже то, что какая-то неведомая женщина собиралась дать ей работу, не утешало Сашу. Много ли заработаешь реставрацией? Все равно, слишком скоро наступит день, когда они опять окажутся без денег. К тому же кое-что насторожило ее в этом неожиданном предложении.

Теперь, когда Федор ушел, девушка немного собралась с мыслями. Она взглянула на часы. Заказчица обещала прийти через час, но назначенное время уже прошло. Она опаздывала, а может, вовсе передумала? Возможно, это будет даже к лучшему. Что за странное условие – чтобы Саша была дома одна? «А если картина краденая? – подумала девушка. – Этого еще не хватало! Но зачем же тогда обращаться ко мне? Для такой работы у воров есть специ-

альные мастера, которые только этим и занимаются. Посторонних людей они не впутывают. А может, это меня кто-то хочет обокрасть?!» При этой мысли она чуть не засмеялась, и ей неожиданно стало легче. Долго раздумывать ей не пришлось – в дверь позвонили.

Саша вышла в прихожую и на секунду прикинула к дверному «глазку». То, что она там увидела, ее немного успокоило. Там стояла невысокая и на первый взгляд молодая женщина, прилично одетая, с большим плоским пакетом под мышкой. Женщина только подняла руку, чтобы повторить звонок, как Саша отперла дверь.

– Это я вам только что звонила, – негромко сказала гостья, быстро оглядывая Сашу с ног до головы. – Можно войти?

– Пожалуйста, – Саша отступила назад, пропустила женщину и заперла за нею дверь. – Проходите в комнату.

Только теперь она как следует рассмотрела визитершу. «Прилично одетая» – так можно было сказать только очень поскромничав. Саше бросился в глаза черный, отороченный соболем жакет, блестящие перчатки из тонкой кожи, бриллиантовые серьги. Дама распространяла вокруг себя облако свежих, весенних ароматов. Лицо этой женщины было очень умело подкрашено, так что ее точный возраст Саша определить не сумела. «Скорее всего, ей уже за тридцать, – Саша старалась не разглядывать ее в упор. – А может, и под сорок. Когда есть деньги, возраст уже не так важен...»

Дама тем временем брезгливо озиралась по сторонам. Она стояла посреди комнаты, будто не решаясь пройти дальше или присесть. В квартире и в самом деле было не убрано. В последнее время Саша окончательно запустила домашнее хозяйство.

– Вот сюда, – она указала гостье на относительно чистое кресло.

– Спасибо, – та взглянула на то, что ей предложили, но не двинулась с места. – Лучше дайте мне ножницы.

Получив их, дама ловко разрезала бечевку, скрепляющую пакет, сняла слой оберточной бумаги, потом размотала холстинку... Все это она побросала на пол, себе под ноги. У нее в руках оказалась очень просто обрамленная картина небольшого формата, примерно тридцать сантиметров на пятьдесят.

– Взгляните-ка на это, – дама поднесла свое сокровище к окну и поманила Сашу. – Возьметесь сделать или нет?

Саша подошла к ней вплотную и взглянула на картину через плечо гостьи. Первое же, что она отметила, картина в плохом состоянии. То ли художник сам неумело покрыл ее лаком, то ли доверил это какому-то недоучке, но только густой, кое-как наляпанный слой лака потемнел, растрескался и совершенно изуродовал полотно. Особенно пострадал нижний левый угол картины. Там почти ничего нельзя было разглядеть. Да и вся картина была написана очень темными, глухими красками. Это был пейзаж, изображающий какую-то сельскую местность, под низким, грозовым небом, в летний день, незадолго до сумерек. Заросший пруд, покосившийся деревянный дом, дорожка между кустов малины... Только ягоды краснели, будто огоньки. Все остальное сливалось в одну сплошную серость и желтизну.

– Ну как? – спросила дама почему-то осипшим голосом. И в этой короткой фразе Саша уловила главное – картина этой даме почему-то очень дорога. Сама же она не нашла в ней никаких необыкновенных достоинств. И во всяком случае полотно очень портила безобразная, варварская лакировка.

– Это можно поправить, – авторитетно сказала Саша.

– Когда вы сделаете? – Дама все еще не выпускала картину из рук, будто боясь с нею расстаться. Она прижимала пыльную раму к своему собольему жакету, и руки у нее чуть подрагивали. Перчаток она так и не сняла. Теперь, когда Саша увидела ее лицо ближе, девушка была уверена – даме едва ли не за сорок. Но она все еще была красива – такая красота не скоро увядает. Смугловатая, черноглазая, стройная, вся будто выточенная, холеная – дама держалась

очень прямо, ничем не обнаруживая своего возраста. В этой женщине не было ничего случайного. Она выглядела законченным произведением искусства.

– Так когда? – нетерпеливо переспросила женщина.

Саша еще раз взглянула на картину и пожала плечами:

– Ну, скажем, дня через три закончу. Сниму лак, просушу, обезжирю, покрою заново... Это много времени не занимает.

– Нет, поправьте не только лак, – встрепелась женщина. – Вы видите, тут темное пятно?

И она указала на нижний левый угол полотна.

– Чтобы этого не было, мне нужно, чтобы вы вернули первоначальный вид.

– Конечно, – Саша слегка пожала плечами. – Это само собой разумеется. И все равно, я сделаю все дня за три... Нет, лучше, скажем, за четыре. Чтобы уж не было сомнений.

– Прекрасно, пусть будет даже неделя. – Дама наконец выпустила картину из рук, поставив ее на подоконник. Отряхнула перчатки, раскрыла сумочку и достала оттуда бумажник. – Я даю вам двести долларов задатку. Когда закончите – еще столько же. Это вас устроит, надеюсь?

Саша не нашла, что сказать. Это было не очень много, но вовсе и не мало. Маститый реставратор взял бы больше. Но сейчас, когда все цены и ценности сместились, доллар стоил несравненно выше, чем летом. Еще в августе она бы поторговалась. Сейчас же она была рада и этому. Но дама приняла ее молчание за несогласие и сунула ей еще одну бумажку:

– Хорошо, вот вам триста долларов, а когда закончите – еще столько же.

– Я согласна, – Саша взяла деньги, сложила их и сунула в карман джинсов. – Оставьте свой телефон, я через неделю вам позвоню.

Дама снова порылась в сумке и извлекла оттуда сложенный лист бумаги. Развернув его, она предложила Саше прежде всего подписать небольшой договор. Саша прочла этот странный документ и с изумлением увидела, что хозяйка оценивала картину ни больше ни меньше как в десять тысяч долларов. И в случае утраты или необратимой порчи картины реставратор обязан был покрыть ее стоимость из своего имущества.

– Но это же несоразмерно! – начала было Саша. – Чье это полотно? Почему вы его так высоко оценили? По крайней мере, кто автор?

И тут дама удивила ее еще больше.

– Кто автор – вам знать необязательно, – бросила она. – В России эта картина стоит именно столько! А на Западе даже больше. И я не желаю, чтобы вы ее продали, а мне сказали, что вас обокрали. Так вы будете подписывать договор? Если нет – тогда я забираю картину.

Саша взяла было ручку, но тут же бросила ее:

– Простите, но я никогда не работала на таких условиях! Ну, а вдруг меня действительно обокрадут?! И что мне тогда делать? Повеситься? Я и без того в долгах, эта квартира мне не принадлежит. Откуда я возьму такие деньги?

– Понимаю, вы торгуетесь, – у дамы как-то странно заблестели глаза. В ее руках снова появился бумажник.

– Вот!

Она протянула Саше еще две стодолларовые бумажки.

– Пятьсот – до, пятьсот – после, – металлическим голосом отчеканила она. – Не знаю, кому в Москве платят больше. Да еще за такую чепуховую работу!

Саша взяла деньги, еще раз перечитала договор и в конце концов подписала его. В графу «Исполнитель» она внесла свои имя, фамилию, отчество и данные паспорта. В графе «Заказчик» не значилось ничего.

– Я впишу свое имя потом, – дама сложила договор и спрятала его в сумочку. – Ну, что ж, удачи вам.

Она направилась к выходу, но Саша остановила ее:

– А как же ваш телефон?

– Я вам позвоню сама, – бросила та и нетерпеливо дернула плечом: – Ну, дайте же выйти, я и так опаздываю.

И только выпустив заказчицу и заперев за нею дверь, Саша поняла, что даже имени ее не знает. «Ну и диво... – Девушка все еще не могла опомниться после этого визита. – Она ведь даже не представилась. Вроде бы не хамка, просто богатая женщина. Мое имя она знает, этого ей и достаточно...»

Она и сама не понимала – то ли оскорбилась таким отношением, то ли ее позабавили такие странные манеры заказчицы. «Зато она прекрасно знает, что ей нужно, и здорово торговалась в мою пользу!» – Саша достала из кармана скомканные деньги, пересчитала их, даже понюхала, посмотрела на свет. Но доллары были самые настоящие, никакой фальши она не заметила. Девушка вернулась в комнату и положила деньги в картонную коробку, стоявшую в углу стола. Здесь она хранила документы, записные книжки, а также деньги на хозяйство. «Теперь-то можно уплатить алименты, но где же Федор? – раздраженно подумала она. – Черт бы его взял, когда нужно – где-то шатается. Глаза бы на него не глядели! Вот, представляю, как он удивится, когда я дам ему денег и пошлю в суд! Пусть после этого попробует на меня накричать!»

Потом ее мысли приняли другое направление. Ей стало жалко отдавать Федору такие деньги. Но что оставалось делать? Иначе пострадают ее родители, а уж такого допускать нельзя. «И почему всегда приходится думать о других? – измученно спросила себя Саша. – Тысяча долларов! Пустяковый заказ, а потом – такие деньжищи! О, господи, да я в жизни таких денег не видела! Хотя бы костюм себе купить приличный... Духи. Мне скоро двадцать восемь, а я все еще бегаю в джинсах, как подросток!» Саша сегодня особенно остро почувствовала свою затрапезность, когда рядом с нею стояла эта нарядная, надушенная, ухоженная женщина. И ведь она была намного старше Саши, а выглядела куда эффектней!

– Ладно, посмотрим, – неизвестно кому сказала Саша и повернулась к картине. – Все-таки тысячу долларов быстро не истратишь.

Она перенесла картину на большой мольберт, включила верхний свет и внимательно осмотрела поле своей деятельности. Прежде всего Саша обратила внимание, что обратная сторона холста была покрыта густым слоем бурой пыли. Сперва девушке даже показалось, что это холст такого цвета. И только перепачкавшись в пыли и несколько раз чихнув, Саша поняла, в чем дело.

– И эта дама прижимала ее к себе, – фыркнула девушка. – Господи, в каком же сарае висело этакое сокровище?

Она осторожно протерла картину влажной тряпочкой – с лицевой стороны и с изнаночной. Слегка подсушила и с трудом сняла раму. Рассохшееся дерево слегка треснуло.

– По крайней мере, в том сарае было сухо, – буркнула Саша. – А то бы все сгнило. Может, там было даже слишком сухо. Уж эти мне богатые коллекционеры! Повесят вещь куда попало, а потом удивляются, что картина умирает!

Она задумалась, как поступить дальше. Снять копию или ограничиться парой снимков? В конце концов, махнула рукой – цвет на картине неинтересный, так что даже если фотография его исказит, беды не будет. Она хорошо помнила завет своего академического преподавателя, который обучал ее технике и технологии живописи. «Прежде чем приступить к реставрации, постарайтесь сделать копию, – говорил студентам этот лысый розовый человек. – Мало ли что может случиться? Потом хотя бы сможете все восстановить».

Саша отыскала свой «Кодак» – обыкновенную «мыльницу», с которой она почти не расставалась в Питере. Получше осветила полотно, нашла нужный ракурс и сделала парочку снимков. И только потом приступила к основной работе. Еще раз осмотрела картину, изучила фактуру. Картина была написана маслом, судя по всему – густым, почти неразведенным. В углу, как показалось девушке, была проставлена подпись – черная закорючка. И дата. Взяв лупу,

Саша еще раз изучила это место, то и дело поминая недобрым словом того, кто так залакировал полотно. Желтый лак мешал его как следует рассмотреть. Наконец Саше удалось определить, что в углу черной краской обозначены две цифры – 7 и 6. Подпись не поддавалась расшифровке. «О, боже! – Саша не верила своим глазам. – Картина семьдесят шестого года! Ей всего двадцать два, а выглядит она... Итальянцы пятнадцатого-шестнадцатого веков – и те сохранились лучше! Вот что значит, люди десятилетиями учились смешивать краски, прежде чем их допускали к работе! А у нас все просто! Краски продаются в любом магазине. Сплошная химия, вот все и желтеет, темнеет, получается бог знает что...»

Посокрушавшись еще немного, Саша надела резиновые перчатки, взяла поролоновую губку, смочила ее растворителем, слегка отжала и приступила к работе. Провела губкой один раз, другой. Лак был наляпан таким толстым слоем, что это не произвело никакого эффекта. Но Саше показалось, что краски стали ярче. «А все-таки ничего, симпатичная работа, – подумала она, разглядывая картину. – Чья она, интересно? Мадам держалась за нее, как за Врубеля или Шагала. Это кто-то наш, советский. Или эмигрант? Местность-то наша, русская. Похоже, это Средняя Россия или Подмосковье».

Она основательно пропитала губку растворителем и тщательно промазала картину – сверху донизу. Процесс пошел, но очень медленно. Саша вздохнула, отложила губку, сняла перчатки и закурила, отойдя к окну. Она решила выждать пару минут, чтобы лак растворился, а потом снять его окончательно. Девушка курила и смотрела в окно. Хотя ноябрь только начинался, морозы стояли нешуточные. В темном небе висел огрызок убывающей луны. Во дворе, под фонарем, металась поземка. Саша вспомнила, что Федор убежал из дома в одной куртке из поддельной кожи, даже без шапки. И ей стало его жаль. «Где он сейчас носится, бедный? – подумала она даже с какой-то нежностью. – И не знает, что я уже решила все проблемы... Нет, эту даму мне просто Бог послал!»

Она погасила сигарету и вернулась к картине. Оглядела ее и осталась довольна результатом. Лак, судя по всему, совсем размягчился. Достаточно было несколько взмахов губки, чтобы снять его окончательно. Саша снова надела перчатки, вооружилась губкой, смочила ее, провела по холсту один раз, другой, третий... И вскрикнула, отскочив от мольберта.

На профессиональном жаргоне то, что произошло, называлось «зажарить картину». Саше никогда не случалось ни делать этого, ни видеть, и поэтому она была совершенно потрясена. Краски темными ручейками стекали по холсту, собирались внизу мольберта и медленно капали на пол. Девушка опомнилась, бросилась к полотну, но не знала, что делать, как остановить этот процесс. Подхватив на палец каплю краски, она с ужасом взгляделась, растерла ее, понюхала.

– Да что же он делал! – плачущим голосом воскликнула она. – Чем же он писал!

Толстый слой лака помешал ей своевременно определить, какими именно красками была написана картина. Но теперь-то она видела, что писали ее не маслом! Под лаком скрывалась густая гуашь. Эту краску на водной основе лаком никогда не покрывают. Но ею и на холсте не пишут! Саша даже помыслить не могла, что столкнется с этой предательской краской, иначе бы даже не притронулась к растворителю, вообще бы не взялась за реставрацию.

К тому времени, когда она все это сообразила, картина была уничтожена почти полностью. От нее осталось только несколько желтоватых и серых пятен. Да еще в углу, куда растворителя попало меньше, издевательски красовалась подпись художника и год создания картины. И это было все.

Медленно, едва владея пальцами, Саша сорвала перчатки, бросила их на пол. Краска все еще продолжала капать – гуашь, казалось, радовалась, что ее выпустили на свободу, из-под лакового плена. Но девушка уже не думала, чтобы как-то зафиксировать краску. Катастрофа была необратима. Сейчас Саше лезли в голову совсем другие мысли. Она вспомнила об авансе, о тех деньгах, которым пять минут назад так радовалась. А также о чем-то похуже. «Договор...

У меня даже не осталось своего экземпляра. Но я помню, как там было сказано. В случае утраты или необратимой порчи картины... Да уж, порча необратимая. Где же я возьму десять тысяч долларов?!»

При этой последней мысли Саша встрепенулась и постаралась взять себя в руки. И думать нельзя, чтобы отдать такие деньги! Мало того что их нет, их даже взять негде! Ну, не бросаться же родителям в ноги, не просить же их продать квартиру! С них достаточно того горя, которое они уже пережили. Им до слез жалко холодильника и телевизора, так как же они расстанутся с квартирой?!

Саша отправилась на кухню и вынула из холодильника бутылку с остатками перцовки. К ним недавно приходили гости, и после них кое-что осталось. Девушка никогда в жизни не употребляла водку – самое крепкое, что она пила, было вино. Но тут она храбро свинтила крышечку и глотнула прямо из горлышка. Горло перехватило, но она заставила сделать себя еще один глоток. Через минуту ей вдруг стало жарко. И как ни удивительно – уже не так тяжело. «Ничего, я нарисую эту дрянь заново!» – Саша с сомнением посмотрела на бутылку. На доньшке плескались остатки водки, и она решительно допила все до капли. Теперь ей было море по колено.

– Уж такую фигню я нарисую за час! – Она с грохотом поставила бутылку на стол и упала на табуретку.

– Подумаешь, великий художник... Ничего страшного! Десять тысяч долларов! Какая лажа! Да я даже не знаю, кто он такой!

Она поражалась, как все стало легко, и даже смешно! Теперь она не упрекала мужа за то, что он несколько раз возвращался пьяным. Конечно, ему тоже было нелегко. И как его обвинять за то, что он хотел забыться хоть на пару часов? «Пусть только возвращается поскорее! – сказала себе Саша. – Я сделаю ужин, мы посидим, как раньше, поболтаем... Я ему все расскажу. Я так давно ничего ему не рассказывала! А завтра с утра пораньше я сдам пленку на проявку, сделаю отпечатки по срочному тарифу... Через два часа фотографии будут у меня на руках. Куплю нужные краски, это стоит копейки, гуашь дешевая. Холст возьму тот же самый, только почищу его. И нарисую эту картинку заново! Подумаешь, к вечеру управлюсь! А насчет лака... Что ж, положим и лак, если этой дуре так хочется. Тоненький красивенький слой. И пошла она тогда со своими соболями, бриллиантами и договорами! Как будто она что-то понимает в искусстве! Даже и не заметит, что картинка-то свежая! Еще, может, подкинет денег за особо удачную реставрацию!»

Саша даже засмеялась от удовольствия – так хорошо она все придумала! Ей никогда не приходилось напиваться, а сейчас она в одиночку выпила почти полбутылки водки. У нее кружилась голова, горели щеки, и кухня слегка плыла у нее в глазах. Она пожевала кусочек сыра, выкурила сигарету, попыталась налить себе чаю... Потом бросила эту затею, с трудом припнулась в комнату и одетая упала на постель. Теперь ей хотелось только одного – как можно скорее уснуть. Она забыла обо всем – о злосчастной картине, о деньгах и о том, что хотела дожидаться мужа.

Глава 2

Ее разбудил телефонный звонок. Саша с трудом разлепила глаза и выбралась из постели. По дороге на кухню она несколько раз натыкалась на стены, но так и не сообразила зажечь свет. За окнами было темно – то ли продолжался вечер, то ли еще не рассвело...

– Алло, – вяло сказала она. И оживилась, услышав голос мужа: – Ну, куда ты пропал?!

Только теперь, включив свет, она взглянула на большие настенные часы. Они показывали половину восьмого. И конечно, это было утро, ведь вчера она уснула часов в десять. Сообразив все это, Саша заговорила совсем другим тоном,

– А, ну прекрасно, – с издевкой произнесла она. – Ты звонишь, чтобы меня успокоить?

– Я звоню, потому что... – начал Федор, но сам себя оборвал: – Да плевал я на все это! Можно подумать, что ты беспокоилась!

– Да, вот возьми и подумай! – Саша еще раз взглянула на часы. Такого у них еще не бывало. Трезвый или полупьяный, ласковый или сердитый, но муж возвращался ночевать всегда.

– Да ничего страшного, – немного сбавил тон Федор. – Переночевал на работе, с ребятами. Вот сейчас заступил на вахту.

– Раньше ты позвонить не мог?

– Мог, но не хотел.

Саша замолчала. Она слышала в трубке его дыхание. Федор несколько раз глубоко вздохнул и наконец выдал:

– Мне, если честно, вообще хотелось уйти. Навсегда. – Он выдержал очень значительную паузу, ожидая какой-то реакции на это слово. Не дождавшись, уже сердито продолжал: – Что это за жизнь? Я же соврал тебе вчера. У меня нет денег, чтобы заплатить эти чертовы алименты. Ну нет, и все. Что ж мне теперь – воровать? Я, честно говоря, сбежал от твоих родителей. Не хотел, чтобы они опять на меня орали. Они приезжали вечером?

Саша молчала. Она могла произнести всего несколько слов, чтобы порадовать мужа. Могла успокоить его, сказать, что не надо расстраиваться по пустякам, что деньги она достала, что все еще будет хорошо... Но девушка молчала, криво закусив губу, глядя в темное окно. Федор еще что-то говорил, но она почти не вслушивалась. Она только теперь полностью опомнилась ото сна и ясно вспомнила все, что случилось вчера вечером. Деньги, кабальный договор, уничтоженная картина. Да, картина. Было в этой картине что-то, что ее тревожило и сейчас. Саша опять взглянула на часы. Скоро откроется ближайшая к дому фотомастерская, она пойдет и закажет фотографии. Потом начнет работать... Да, все было так, все правильно, но что-то выбивалось из этих планов. Она пришла в себя от голоса мужа. Тот почти крикнул:

– Да ты уснула там, что ли?!

– Нет, все хорошо, – откликнулась Саша, только затем, чтобы он отвязался. – Мне вчера принесли работу, и я сейчас начну.

– Да? Ну, удачи. Я вернусь к восьми, ты не беспокойся.

Он сказал, что любит ее, подождал ответного признания, но Саша опять ушла в себя. В эту минуту было нечто, что волновало ее куда больше, чем эти привычные слова «я тебя люблю». Она положила трубку.

Снимки с картины были готовы к полудню. И еще в фотомастерской, разглядывая их под сильной лампой, Саша увидела наконец то, что не давало ей покоя. Темное пятно! Конечно, качество снимков было неважное, и картина на них выглядела еще более темной, чем была в действительности... Но пятно и здесь бросалось в глаза. На снимке оно выглядело так, будто левый нижний угол картины чем-то замазали.

Саша сложила снимки в сумку и торопливо вышла на воздух. Мороз все еще держался, и он отрезвил ее, окончательно прояснив все мысли. Теперь девушка отчетливо понимала, в каком положении оказалась. Конечно, она могла бы повторить погубленную картину – на том же холсте, такими же красками, в той же манере. Ничего трудного она тут не находила, ведь во время учебы в академии ей приходилось копировать полотна великих мастеров, и это получалось у нее очень хорошо. А что здесь? Ничего сложного. Если бы не это пятно...

Принимая картину в работу, Саша даже не подумала спросить хозяйку, что скрывается в этом углу картины. Она решила, что здесь уж слишком густо положен лак, а когда его снимешь, краски проявятся сами собой. Она и предполагать не могла, что уничтожит лак вместе с красками. И теперь могла бы повторить всю картину... За исключением нижнего левого угла. Что было нарисовано там – об этом Саша даже догадываться не могла. Нарисовать там что-нибудь в том же сельском роде? Например, куст, стог сена или просто траву? Но это значило играть в лотерею. Художник мог изобразить там что угодно. В конце концов, там могла скрываться даже человеческая фигура, если на то пошло! Разве можно нарисовать ее наобум?

Сашу трясло, но она списывала это на мороз и на непривычное состояние похмелья. Но даже дома, после горячего чая, дрожь не прошла. Девушка боялась даже подойти к погубленной картине. Краем глаза она видела этот несчастный холст, который сейчас выглядел, как простая грязная тряпка, натянутая на подрамник. Наконец Саша заставила себя повернуться к нему. Как ни горька была правда, нужно было смотреть ей в лицо.

Прежде всего девушка осмотрела весь холст с лупой, выискивая хотя бы малейшие следы ввевшейся краски, пытаясь угадать, что могло скрываться в левом нижнем углу. Беда была еще в том, что пятно занимало примерно четвертую часть картины, так что махнуть на это рукой было нельзя. Но Саше ничего не удалось разглядеть.

Она перевернула холст и осмотрела изнанку. Остатки пыли и паутины – больше ничего. Девушке хотелось плакать, но она заставляла себя держаться. «Если бы хоть название узнать, – говорила она себе, продолжая исследовать холст, хотя и не надеясь что-нибудь найти. – Может быть, все это дело называется „Пейзаж перед грозой“ или „Старая дача“. А может, просто „Лето“. Хотя бы узнать, были в этом чертовом пятне человеческие фигуры или нет?! Если нет, я бы еще рискнула. А что? Пустила бы по всему углу травку, кустики всякие... „Но девушка тут же одернула себя: «Сейчас, кустики! Ведь заказчица сказала, что я должна вернуть картине первоначальный вид! Первоначальный! И она говорила это, обращая мое внимание на пятно... Значит, для нее это было важно. Значит, я не могу нарисовать там бог знает что. Она же наверняка знает, как выглядела эта картина, что на ней изображено. Картина-то еще не старая. Наверняка есть люди, которые видели ее в неиспорченном виде, еще без лака. Может, даже она сама ее тогда видела! Если ей лет сорок, а картине двадцать два – то тогда этой даме было уже восемнадцать! О, черт... А если у нее есть снимки с этого полотна? А может, еще и сам художник жив. Если дама так высоко ценит эту картину, то уж во всяком случае не за красоту! И уж она-то обязательно выяснит, что я нарисовала картину заново!“

Но хотя Саша и убивалась, одна здравая мысль ей все-таки в голову пришла. Она тщательно скопировала подпись художника, сохранившуюся в правом нижнем углу. «Если сохранились снимки или наброски, то я ведь тоже могу на них посмотреть! Главное, выяснить, кто он такой, этот пейзажист!» Настроение у нее от этой идеи не улучшилось, но сидеть сложа руки и ждать, когда с нее потребуют десять тысяч, Саша тоже не собиралась. Она отыскала записную книжку, раскрыла ее на букве «Ю» и набрала номер, по которому не звонила года три.

– Юлия Борисовна? – немного смущенно сказала девушка, услышав знакомый хриловатый голос. – Это Саша, Саша Мордвинова.

В трубке раздалось протяжное изумленное восклицание, а потом женщина весело сказала:

– Ну, спасибо, что совсем не забыла! Ты в Москве, я слыхала? Чем занимаешься?

Саша чувствовала, что ее заливают горячая волна стыда, щеки запылали первыми. Юлия Борисовна, кандидат искусствоведческих наук, шесть лет назад совершенно бескорыстно, не взяв с Сашиных родителей ни копейки, подготовила девушку к экзаменам по всем устным и письменным дисциплинам. Саша познакомилась с ней еще в художественной школе, где Юлия Борисовна читала детям историю искусства. Но в последнее время Саша совсем о ней не вспоминала. Она знала, что женщина живет одна, в обществе одного только серого кота Маси, что кажется, живется ей трудно, и уж во всяком случае, она будет рада звонку. Но как-то... Руки не доходили ей позвонить. Саша не могла выбрать повод, чтобы попросить о встрече. Ей стыдно было думать, что и вспомнила-то она об этой женщине только из корысти. Если кто и мог опознать художника по его подписи, то это была именно она.

– Может, найдешь время заехать в гости? – говорила тем временем женщина. – Рассказала бы, как живешь. Ты, наверное, изменилась? Я тебя хотя бы узнаю?

Саша поторопилась принять приглашение. Юлия Борисовна объяснила, что и сегодня, и завтра с утра до вечера будет дома.

– Может быть, сегодня? – попросила девушка. У нее не хватало духу сказать, что она соскучилась. Может, это и не было враньем, но звонила-то она не поэтому. Саша сразу получила приглашение приехать к четырем часам. У нее едва хватило времени купить цветы, конфеты и бутылку красного вина. Она помнила, что Юлия Борисовна предпочитала грузинские красные вина всем остальным напиткам.

Серый кот с достоинством вышел из кухни и остановился, глядя на Сашу. Та ахнула и присела, чтобы его погладить:

– Жив! Надо же! Юлия Борисовна, сколько же ему лет?

– Ну, по человеческим меркам – пятьдесят, еще не вечер, – засмеялась женщина. Саша выругала себя – самой хозяйке было около пятидесяти, и вопрос про кота оказался довольно бестактным.

– Проходи, дай на тебя посмотреть! – Хозяйка провела Сашу в столовую и усадила в скрипучее плетеное кресло. – Изменилась, изменилась... Когда же мы виделись? Года три назад? Ты как-то женственнее стала... Пополнела, что ли?

Саша смущенно улыбнулась:

– Просто вышла замуж.

– Неужели? – воскликнула женщина. – Представь, Санечка, что я тоже!

Только теперь Саша увидела, что и хозяйка очень изменилась за три года. Раньше это была довольно приятная, художавая, всегда немного растрепанная женщина. То, что она не замужем, почему-то определялось с первого взгляда. Вид у нее был какой-то незамужний – точнее сказать было невозможно. Настоящего цвета ее коротких волос никто не знал – Юлия Борисовна красила их в радикальный черный цвет. Цвет сохранился и теперь. Но на этот раз женщина была тщательно причесана, слегка подмазана, одета в серую шелковую блузку и узкие, стального цвета брюки. На ее запястьях позванивали серебряные, украшенные нефритами браслеты. И самое главное – впервые на Сашиной памяти от Юлии Борисовны пахло духами. Причем какими-то очень молодежными.

– Вот здорово, – пробормотала Саша. – Я вас поздравляю!

– Ну, в моем возрасте с такими вещами не поздравляют, – усмехнулась женщина. – Это уже считается чем-то вроде неприличного фокуса. И тем не менее я выскочила замуж. Моя мама никак не может опомниться. Ей-то уже за семьдесят, она и меня записала в бабушки.

Юлия Борисовна поставила в воду принесенные гостьей цветы, распечатала конфеты, подхватила бутылку и унесла ее на кухню. Там послышался тихий короткий разговор, после чего слабо хлопнула тугая пробка, и Юлия Борисовна вернулась уже с откупоренной бутылкой. Саша поняла, что в квартире, кроме них и кота, есть кто-то еще. До сих пор Юлия Борисовна

жила одна. Значит, вероятнее всего, на кухне сидел муж. Но Саша не решилась об этом спросить.

Она по старой привычке немного робела перед учительницей. Хотя теперь-то они могли держаться на равных – обе с высшим образованием, обе замужем... Но Саша все-таки смущалась. Больше всего ее стесняло то, что надо было как-то заговорить о деле. В сумке у нее лежал клочок бумаги, на который она перенесла подпись неизвестного художника. Когда же его подсунуть? Сидеть здесь до вечера она не могла себе позволить. Заказчица дала ей неделю, и это прекрасно. Но если Саша и за неделю не узнает, что нарисовать на месте темного пятна? Тогда – катастрофа. Об этом девушке даже думать было страшно. Что перед этим все судебные исполнители на свете и даже алименты!

Видно, она глубоко ушла в свои невеселые мысли, и хозяйка заметила это:

– Санечка, что-то случилось? У тебя вид какой-то... Родители здоровы?

– Да, спасибо, – встрепенулась девушка. – Я так, о работе вспомнила.

– А чем ты занимаешься?

Вместо ответа Саша открыла сумку и протянула женщине клочок бумаги:

– Вот чем. Или, вернее, кем.

Она с замиранием сердца ждала, что скажет Юлия Борисовна. Та внимательно разглядела клочок бумаги и слегка пожала плечами:

– Охота же тебе возиться с такой чепухой.

С этими словами она вернула Саше бумажку. Девушка взволнованно переспросила:

– Так что вы об этом думаете?

– Ничего, – ответила та. – У меня о нем не очень высокое мнение. Впрочем, кому что нравится.

Девушка с трудом скрывала торжество. Значит, она не ошиблась в своих расчетах, Юлия Борисовна поняла, кому принадлежит подпись! А женщина тем временем продолжала:

– Не знала, что он опять вошел в моду. Кажется, он уже не работает... Зачем он тебе нужен, Санечка? Ты что же – копируешь его?

Последние слова она произнесла с таким нескрываемым презрением, что Саша не выдержала:

– Разве он так плох?

– А что в нем хорошего? – Юлия Борисовна распечатала пачку сигарет и угостила гостью. Затянувшись пару раз, она небрежно закончила: – Нет, не спорю, что лет пятнадцать назад он как-то был замечен. Но, пардон, тогда многие изображали из себя гениев. И только на том основании, что их не выставляли. Корзухин – как раз из таких.

– Он жив? – цепко спросила Саша.

Юлия Борисовна еще больше удивилась, услышав эти слова:

– Господи, Санечка, да тебе ведь лучше знать! Он еще не старый, наверное, жив... Я с ним знакома не была и картин его почти не видела. Ты же им занимаешься, вот и узнай. Кстати, если не секрет, почему ты за него ухватилась?

Но Саша предпочла не отвечать. Она узнала главное – фамилию художника. Узнала также, что специалисты о нем слышали. И знала, к кому обратиться, чтобы найти его адрес. Она была знакома с хозяевами довольно популярного художественного салона. Уж они-то знали всех – и живых, и мертвых. Возможно, фамилию по одной подписи и не сказали бы, но координаты этого Корзухина у них должны быть. Девушка только улыбнулась и развела руками:

– Я тоже не в восторге от его картин. Но уж, наверное, они лучше моих собственных.

Это дало ей возможность перевести разговор на другую тему. Поговорили об академии, о том, как трудно в нынешних условиях завоевать популярность. Юлия Борисовна слушала очень сочувственно и наконец вздохнула:

– Беда, если молодому художнику никто не помогает. Санечка, а чем занимается твой супруг?

Саша рассказала и об этом. Она не скрыла ни того, что мужу пришлось бросить учебу, ни того, что в Архангельске у него остались жена и сын. Пожаловалась на то, что не хватает денег платить им алименты. Она ожидала прежних, сочувственных слов, но Юлия Борисовна ее поразила. Она смотрела на Сашу сощурившись, и в ее глазах мелькало какое-то странное выражение. Как будто она изо всех сил себя сдерживала, а между тем хотела что-то сказать. Наконец, когда Саша замолкла, женщина сухо произнесла:

– Да, практичный молодой человек.

Саша не поняла и переспросила.

– Что же тут непонятного, – отчеканила та. – Обеспечил себя жильем, московской пропиской. Ну, бог с ним, таких деятелей полно. Но ты, Саша, как решилась на такое? Ты говоришь, что счастлива, а о той женщине, которую он бросил, не думаешь?

Она сделала короткую паузу, раздавила в пепельнице окурочку и жестко закончила:

– Я бы на твоём месте не могла спать спокойно.

Девушка оторопела. Уж чего-чего, а такой нотации она не ждала. Если бы перед ней сидела не бывшая учительница, она бы нашла, что ей сказать. Но перед этой женщиной она как-то робела. В конце концов, Саша сделала вид, что пропустила эту нотацию мимо ушей, и принялась усиленно гладить кота, который давно уже к ней ласкался. Они допили вино почти в полном молчании. С кухни время от времени доносились какие-то звуки – стук посуды, свисток вскипевшего чайника... Это тоже начинало раздражать Сашу. «Чем читать мораль, лучше бы представила меня мужу, – зло подумала она. – Неужели она его стыдится? Нет, училка остается училкой. Никакого такта, никакого понимания!» Девушка в последний раз погладила кота и встала:

– Жалко, но мне уже пора. Спасибо за приглашение, у вас, как всегда, было хорошо.

Юлия Сергеевна тоже встала, настойчиво пытаясь поймать взгляд гостьи:

– Ты что, Саша, обиделась?

«Ну, уж этого я тебе не покажу!» – поклялась про себя девушка. И посмотрела в лицо хозяйки с самой ясной, солнечной улыбкой:

– На что, Юлия Борисовна? Просто мне пора, Корзухин не ждет! – И она значительно взмахнула бумажкой с подписью, перед тем как спрятать ее в сумку. – Передайте от меня привет супругу. Его, кажется, сегодня нет дома?

И надо было видеть, как поджала губы хозяйка. Она проводила Сашу до двери, из последних сил поулыбалась, пожелала всего доброго... И только в лифте девушка позволила себе расслабиться. Она почувствовала, что на глаза набегали слезы, но не стала их сдерживать. «Почему все думают, что он женился из-за прописки?!» – Она выбежала из подъезда и с наслаждением вдохнула морозный воздух. Ей стало легче, и она приказала себе забыть об этом неудачном визите. Впрочем, в чем-то он был очень даже удачным!

Саша взглянула на часы. Почти половина шестого. Это было самое лучшее время, чтобы застать в художественном салоне кого-то из владельцев. К вечеру они обычно приезжали туда. Это были муж и жена – Ирина и Павел Житные. Саша познакомилась с ними еще в Питере, куда они приезжали покупать картины на одном из аукционов. Их свел преподаватель из академии. Картины самой Саши хозяев салона не заинтересовали. Но они оказались молодыми, разговорчивыми, очень общительными людьми. И Саша пару раз встречалась с ними, после того как вернулась в Москву. Ее собственных картин они опять же не покупали... Но это не мешало хорошим отношениям. Саша не заискивала перед ними, чтобы они купили у нее что-нибудь, и наверное, это им нравилось.

В салоне-магазине оказалась одна Ирина. Павел, как пояснила та, в эти дни вообще отсутствовал в Москве – поехал во Псков, «за добычей».

– Ты по делу или просто так? – спросила Ирина, зорко оглядывая посетительницу. Убедившись, что у Саши нет при себе никакой картины, она кивнула: – Кофе будешь? Я как раз собираюсь выпить чашечку. Весь день мотаюсь, как собака, и хоть бы похудела...

Пройдя в свой крохотный кабинетик на задворках магазина, Ирина вздохнула и опустилась в старое, обтянутое порывевшей кожей кресло. Мебель предательски заскрипела под ее весом. Ирина толстела день ото дня и ничего не могла с этим поделать. Ее разносило, несмотря на все диеты, которых она придерживалась. Но даже при чудовищных габаритах, которых она достигла этой осенью, лицо у этой белокурой женщины оставалось милым, обаятельным и даже не слишком оплывшим. Саша расставляла чашки, кипятила чайник и насыпала кофе. Хозяйке лень было сделать лишнее движение. Все, на что оказалась способна Ирина, – это распечатать пачку печенья для диабетиков. Саша откусила кусочек, ощутила на языке пресный вкус мюсли и положила печенье обратно на тарелку.

Ирина снова вздохнула:

– Не нравится? Мне тоже. Ем всякую дрянь. А толку никакого. За последний месяц, представь, я прибавила... – И тут же она осеклась: – Ты что, торопишься куда-то?

А Саша и в самом деле сидела как на иголках. Она изо всех сил старалась это скрыть, но как видно, ничего не получалось.

– Да нет, не тороплюсь. – Саша наконец решилась:

– Ира, у меня к тебе вопрос. Ты когда-нибудь занималась картинами Корзухина?

Ирина слегка нахмурилась:

– Дай бог памяти... Я такого и не знаю. А что, новый гений объявился? Так он еще не скоро начнет продаваться. – Она спокойно дожевала свое безвкусное печенье и пояснила: – Даже если он закончил на пятерки твою академию – это все равно ему славы не прибавит. А кто он вообще такой?

– Если он и заканчивал академию, то очень давно, – разочарованно ответила Саша. – Ему уж, наверное, за сорок. Был довольно популярен в начале восьмидесятых. Неужели не знаешь?

Вместо ответа Ирина взяла телефонную трубку и сделала Саше знак подождать. Девушка знала – Ирина терпеть не может, если ее упрекают в неосведомленности. Она интересовалась каждым мало-мальски заметным именем в художественной среде. Но то, что она не знала Корзухина, говорило уже о многом. Саша от волнения покусывала губы: «Значит, его картина никак не может стоить десять тысяч баксов! Заказчица меня обманула! Но что мне делать? Осмеять ее?! Но я ведь подписала, что обязуюсь вернуть ей деньги в случае порчи картины... Значит, я признала, что для меня картина таких денег стоит. Дура я, дура! Беспросветная идиотка! Надо было сразу позвонить Ирине, о чем я только тогда думала!»

Ирина тем временем закончила короткий телефонный разговор. Она удовлетворенно положила трубку, и девушка насторожилась:

– Ты что-то выяснила?

– Кое-что, – кивнула та. – Картины этого Корзухина есть у одной моей знакомой, Альбины. Если хочешь – отправляйся туда, она тебе их покажет. Кстати, стоят они смешные деньги. Она отдает штуку за пятьдесят-шестьдесят долларов. Сама понимаешь – Альбина с такой цены ничего себе уже не берет. Ей просто жаль его несчастную жену.

Ирина сделала короткую паузу и закончила:

– Ты сделаешь доброе дело, если что-то купишь. Потому что ни одной картины еще не продано, а жена этого Корзухина чуть ли не с голоду помирает. Там всего-то парочка натюрмортов да какой-то пейзажик двадцать на пятнадцать сантиметров... Ну, дать тебе адрес и телефон?

У Саши перехватило дыхание:

– Чей?

– Альбины, чей же? Да что с тобой сегодня? – Ирина изумленно глядела на девушку. – Тебе плохо? Глотни водички!

Но Саша отказалась и от воды, и от многочисленных лекарств, которые в изобилии оказались у хозяйки салона. Она записала адрес той галереи, где нашлись картины Корзухина, и как бы между прочим, спросила:

– Он что же, умер?

– Я поняла, что да, – кивнула Ирина. – Иначе, наверное, сам бы продавал свои картинки. А может, просто спился или попал в дурдом. Но ты меня удивила, честное слово! Назвать московского художника, о котором я и понятия не имею... Долго же ты его искала! Скажи на милость, Корзухин какой-то...

Саша поблагодарила ее и, выйдя на улицу, поймала машину. Ей нужно было торопиться. Первый день, отпущенный ей по условиям договора, близился к концу, а она все еще была далека от своей цели. Ее грела только одна надежда – может, тот пейзаж, который висит в галерее, окажется копией того, который она уничтожила? Ведь часто бывает, что художник выполняет несколько картин на одну тему. А если нет... Тогда, решила Саша, она найдет жену Корзухина, а через нее попытается что-то узнать о нем самом. И если только он жив – Саша поклялась дать ему даже не шестьдесят, а сто, двести долларов! Только бы он повторил свое произведение заново, для нее!

Крохотный магазинчик в переулках возле Старого Арбата был замечен издалека. Его единственная, маленькая витрина была щедро иллюминирована. А в ней, на черном бархатном постаменте, красовалась освещенная фиолетовыми лампами статуя Венеры Милосской. Это должно было информировать публику, что здесь продаются предметы искусства. Саша неодобрительно оглядела статую, потянула на себя тяжелую дверь. Забрякал колокольчик, потянуло теплом, и девушка оказалась в небольшой квадратной комнатке, где не было ни прилавков, ни кассы, ни продавцов. Единственным предметом мебели была длинная кушетка, обтянутая фиолетовым потертым бархатом. На кушетке сидела женщина, почти такая же полная, как Ирина. Это было настолько курьезно, что Саша не удержалась от улыбки.

Женщина читала какой-то журнал и едва подняла глаза, чтобы оглядеть посетительницу. Саша догадалась, что это и была хозяйка салона. Но в отличие от молодой, хорошенькой и белокурой Иры, Альбина была вовсе не молода, не хороша собой, а голову ее венчало старомодное пегое украшение в виде пучка. Саша прошлась вдоль стен, где были тесно развешаны картины. Мимоходом она отметила, что здесь по большей части висит страшное барахло. У Ирины выбор был куда лучше. Наконец хозяйка обратила внимание на Сашу и отложила свой журнал:

– Вам помочь? Чем вы интересуетесь?

– Корзухиным, – ответила Саша. – У вас должны быть три картины, кажется?

– Есть, есть, – кивнула та, сразу переходя на более доверительный тон. – Это не насчет вас звонила Ира? Я так и подумала! За весь день ни одна собака не зашла, можете себе представить? Одни друзья-знакомые. А ваш Корзухин там, в уголке.

И она показала куда-то вниз. Чтобы разглядеть эти картины, Саше пришлось согнуться пополам. Прежде всего она рассмотрела пейзаж. И убедилась, что ничего общего между ним и погубленной картиной нет. Сдерживая разочарование, она осмотрела и натюрморты. Нет, этот художник ей не нравился, и уже не имел шансов понравиться никогда! И Саша с раздражением думала, что здесь, в этом пошлом магазинчике, среди ширпотреба, ему самое место!

Альбина тем временем вяло расхваливала товар:

– Он ведь уже не работает, так что других поступлений не будет. Если вы интересуетесь восьмидесятыми годами – лучше Корзухина даже искать нечего.

– Ну, так уж и нечего? – Выпрямилась Саша. – А сколько стоят эти картины?

– Ну, – Альбина быстро покусала незажженную сигарету и решительно заявила: – Все три отдам за двести долларов! И только потому, что жена его страшно нуждается.

– А он сам? – поинтересовалась Саша.

– Он? – Альбина чиркнула зажигалкой, затянулась и поморщилась: – Он уже полгода в бегах. То ли в бегах, то ли с ним что-то случилось... У жены нет сил его искать.

– То есть он жив? – обрадовалась Саша.

– Может, и жив, – кивнула та. – Ну что, берете?

– Н-не знаю, – девушка изобразила колебания, снова и снова разглядывая картины. – Я бы еще посмотрела другие его работы. У жены они есть? Можно узнать ее координаты?

Как она и ожидала, Альбина не обрадовалась этой просьбе. Может, она и не брала себе ничего с корзухинских картин, но продать их ей все-таки хотелось. Однако Альбина достала записную книжку и продиктовала Саше телефон. Напоследок добавила:

– Она чуточку не в себе, так что вы поосторожнее. Она, знаете, ревновала его к каждому столбу. Еще решит, чего доброго, что вы его любовница, у которой он прячется. – Женщина коротко хохотнула. – Так что вы скажите Кате, что это я вас послала. Запомнили? Ее зовут Катя.

Саша позвонила жене художника из уличного автомата. Номер не отвечал. Она звонила по этому номеру весь вечер, уже вернувшись домой, вплоть до глубокой ночи. Федор даже забеспокоился. Он спрашивал, кого это ищет Саша, что это за дрянь стоит на мольберте, почему на полу черные пятна и воняет растворителем? Саша не отвечала. Она сказала только одно – что нашла работу и просит ей не мешать. А потом, воспользовавшись тем, что муж вышел в ванную, достала из коробки деньги и пересчитала их. Задумалась, отложила в сторону стодолларовую купюру, добавила к ней несколько сторублевок. Первую «зеленую» сотню она разменяла сегодня днем, перед визитом к Юлии Борисовне. Остальные деньги девушка спрятала обратно в коробку. После чего опять набрала номер, который уже выучила наизусть. И неожиданно ей ответили.

– Алло, извините, что так поздно, но я от Альбины, – преувеличенно вежливо заговорила Саша, услышав женский голос, – мне нужна Екатерина Корзухина.

И женщина, как-то сдавленно ахнув, поинтересовалась: «Неужели вы ничего не знаете?!»

– Что-то случилось? – Саша крепче прижала трубку к уху. – С ней что-то...

И женщина, которая все еще не представилась, сообщила ей, что Катенька и Артемушка были убиты две недели назад, а квартира подожжена, но слава богу, ей не дали сгореть полностью и даже вот – опять подключили телефон.

– Вы понимаете, почему подожгли квартиру? – вздохнула объясняла она. – Хотели инсценировать, что это просто пожар, а они сгорели. Отравили их, несчастных моих, уложили в постели, на кухне открыли газ и зажгли на столе свечку. Если бы в кухне накопился газ, все бы рвануло от свечки! Может, весь подъезд бы сгорел! Однако газ был отключен, за него почти год не платили, Катенька нигде не работала, все время болела. А вот свечка в конце концов опрокинулась, ну и загорелась скатерть...

Далее женщина подробно описала последствия пожара: «Все картинки, все бумажки, какие были, вся постель – все пропало, все испорчено... Бумаг-то у них было много, да еще эти краски проклятые. А что не сгорело – в руках рассыпается. Я вот тут вожусь весь день, уже столько мусора вытащила. Да, все хорошие вещи в мусор превратились, а хорошего у них и так было немного... А монтер только к вечеру пришел, подключил телефон. – Она вздохнула и совсем другим, сдавленным голосом произнесла: – Катя с Артемом уже десять дней как похоронены. А мне все кажется, что они здесь. Вроде должны быть здесь...»

И тут женщина, до этого говорившая как-то неестественно весело и спокойно, неожиданно всхлипнула. Саша слушала ее и все яснее понимала – отчего бы ни умерли эти люди, но их нужно оставить в покое. Как и эту женщину, которая то смеется, то плачет и явно слегка

помешалась от горя. Кто она такая? Чья-то родственница? Мать? Но чья? И кто этот Артем, про которого она все время говорит? Саша с ужасом поняла, что ни у кого не узнала даже имени художника. Только его фамилию... А ведь Альбина должна была знать это имя! Впрочем, она могла бы знать и о том, что хозяйка картин погибла... И все-таки, она этого не знала.

– А вы кто? – уже сквозь обильные слезы спросила ее женщина. Было слышно, как она сдерживает частые всхлипы. – Катина подруга? Я не расслышала...

– Я... Да, – неожиданно для себя самой солгала Саша. – А кто это погиб с Катей? Ее муж?

– Да что вы, сын! – воскликнула женщина. – Сын, мальчик, хорошенький такой, ему всего восемнадцать было, а в армию не взяли, потому что болел, остеохондроз у него был и малокровие. Но вы же его сами видели, наверное?

Саше стало дурно от собственного вранья. Она хотела остановиться, сказать, что просит прощения, что все это неправда, положить трубку... Но она не могла этого сделать. Не могла до тех самых пор, пока у нее не будет на руках денег, чтобы расплатиться с клиенткой. Или... Готовой картины.

– Так я не поняла, кто вы? – уже тревожно допытывалась женщина. – Как это вы сказали? Муж с ней погиб? А вы что – не знаете, что Иван полгода как из дома ушел? Почему вы о нем спросили?

Саша молчала. Она не знала, как ответить, чтобы успокоить эту женщину. И проклинала свою глупость. Она уже и в самом деле хотела сознаться в обмане и попросить прощения, как вдруг женщина тихо, но очень отчетливо проговорила:

– А, вот это кто. Как же я, дура старая, не догадалась. Катя же мне про вас говорила. – Она чеканила все слова совсем без интонаций, будто отбивала телеграмму. – И у вас еще наглости хватает звонить. Тварь. Тварь.

И бросила трубку.

Глава 3

Из-за своей новой работы Федор вставал рано. Обычно уже в шесть часов утра звонил будильник. Потом Саша сквозь дрему слышала, как шумит вода в ванной, шкворчит яичница на сковородке, свистит чайник. Федор всегда забывал снять свисток с носика чайника, чтобы не разбудить жену. Так что сразу за свистком задавалось громкое короткое ругательство, и наступала тишина – это Федор срывал свисток и обжигался сильной струей пара, которую уже ничто не сдерживало. Тут обычно просыпалась и Саша. Она лежала с закрытыми глазами, ожидая, когда муж уйдет. И только потом засыпала снова.

Но в это утро все было по-другому. Девушка проснулась оттого, что Федор легонько потряс ее за плечо.

– Саня, откуда эти деньги?

Спросонья она не поняла, что случилось. Потом увидела, что муж держит в руке стодолларовую бумажку. Саша только вздохнула:

– А, это твои алименты.

– Мои алименты?! – Он не верил своим глазам, снова и снова разглядывал деньги. – Ты что, заняла у кого-то?

– Зачем? Я их заработала. – И Саша поглубже залезла под одеяло. Она надеялась, что расспросы на этом закончены, но Федор, видно, думал иначе. Он сдернул с нее одеяло и, тряхнув девушку за плечи, заставил ее сесть.

– Ну, ты что?! – возмутилась Саша. – Мне же холодно!

– Где ты их взяла? – Федор чуть ли не тыкал ей в глаза бумажкой. – Откуда? Я, по-твоему, альфонс?! Значит, ты заняла для меня деньги, чтобы заплатить алименты? Не могла ты их заработать! Ты же ничего делать не умеешь!

Такого оскорбления он ей еще не наносил. Саша сразу ошетибилась, всю сонливость как рукой сняло. Она всплила:

– А, ну, конечно, я же бездарность, я никто, а ты потомственный скульптор! И все же я их заработала! Вон, полюбуйся!

И она указала на мольберт, где стояла изуродованная картина:

– Мне заплатили за реставрацию! И мне заплатили куда больше, чем сто долларов, если хочешь знать!

Федор молча смотрел на нее. Она видела, что он ей не верит, и не могла понять почему. Взгляд у него был какой-то странный. В нем было все – растерянность, злоба и даже... Саше показалось, что муж чего-то испугался.

– Ну, что ты ко мне прицепился? – уже спокойнее сказала она, выбираясь из постели и накидывая на плечи халат. – Я не могу принять заказ на реставрацию? Ведь я же это делала, и ты не удивлялся. В чем дело-то?

– В чем? – почти так же спокойно спросил муж. Но это было какое-то жуткое, ненатуральное спокойствие.

– А дело в том, что ты мне отомстила.

То, что Саша услышала вслед за этим, было так дико, что она никак не могла завязать пояс своего халата. Руки у нее тряслись, но она с бессмысленным упорством теребила узел, который все время распадался. Федор тем временем объяснял, что он все понял. Что Саша решила отомстить ему за то, что он не ночевал дома. Что она той ночью встретилась с одним из своих московских дружков, поразвлекалась с ним, да еще и деньги за это взяла. И что Саша может не тыкать его, Федора, носом в эту линялую тряпку, которую она для отвода глаз поставила на мольберт. Там нечего реставрировать, этот холст осталось только выкрасить и выбросить! Последних слов Саша не выдержала. Она истерически засмеялась – резко, гортанно, и

сама испугалась этого странного смеха. Зажала рот ладонью и бросилась в ванную. Только там, запершись, она наконец разрыдалась.

Ей было уже все равно – возьмет муж эти деньги или бросит ей в лицо. Уплатит он алименты или ее родители останутся без телевизора и холодильника. Восстановит она картину или нет... И все, что будет потом, ее тоже не волновало, или по крайней мере Саша так думала сейчас. «Жизнь отравлена! – Она всхлипывала, пыталась остановиться, но у нее ничего не получалось. Саша умылась ледяной водой, на миг умолкла, но тут же зарыдала с новой силой. – Все отравлено, и так быстро! И так ужасно! Значит, я урод, я не могу приспособиться к семейной жизни, мне всегда это говорила мама... Я думала, это неправда, я думала, что стоит встретить человека, которого я полюблю... И я все выдержу, у нас все будет хорошо, долгие годы, а не пару месяцев, всегда! И ничего, ничего не получилось! Я его... Ненавижу! Не надо было жениться, это не для таких уродов, как я и он...»

Федор уже несколько минут стучал в дверь ванной, но Саша ему не открывала. Она уже не плакала. Сидела на холодном бортике ванной, пустив в раковину сильную струю воды, и рассматривала свои потрепанные, испачканные краской тапочки. Она решила сидеть так, пока муж не уйдет. Но Федор стучал все сильнее:

– Пусти! Открой, что ты там делаешь?

– Ничего! – мрачно ответила Саша.

– Ну, так пусти меня! – Муж опять заколотил в дверь. – Я еще не побрился!

– Подумаешь, – бросила девушка. – Сторожу бриться не обязательно.

Федор стукнул в дверь еще раз, выругался, и минут через десять Саша услышала, как за ним захлопнулась входная дверь. Она посидела в ванной еще немного, опасаясь, что это только уловка, и муж может вернуться. Ей вспомнились его рассказы о том, как отец ревновал мать, и в такие минуты избивал ее всем, что под руку попадет – от сапога до сковородки с жареной картошкой. Мать Федора, однако, спуску мужу не давала, так что затяжные драки были обычным явлением в этой семье. «Так Федор и меня может избить, – подумала Саша, прислушиваясь к наступившей тишине. – А если еще и напьется... Нет, как это ни глупо звучит, а надо было слушать маму. Неужели она что-то в нем разглядела? Правду говорят, любовь слепа. Он только сейчас мне опротивел. Приревновал к пустому месту, дурак! А я-то, идиотка, думала, что он мне „спасибо“ скажет за эти деньги!»

Однако, выйдя из ванной, Саша обнаружила, что деньги муж унес. Это разозлило ее еще больше: «Значит, покричал он для проформы, чтобы не благодарить! Конечно, у него бы язык отсох сказать мне „спасибо“! Он не альфонс, извольте видеть! Если бы он еще алименты из этих денег заплатил, а то возьмет и проплет!»

Она взглянула на часы. Ей давно уже не приходилось вставать в такую рань. Глаза резало – не то с недосыпа, не то от слез. Девушка прямо в халате улеглась на постель, укрылась до подбородка и закрыла глаза. Она уснула незаметно для себя и очнулась, когда в комнате было совсем светло.

Саша встала, выпила чаю, постояла немного перед проклятой картиной и еще раз убедилась, что она уничтожена бесповоротно... Непосвященный человек и впрямь мог принять этот холст за простую грязную тряпку. Девушка рассмотрела сделанные с картины снимки и положила их в сумку. Подумав немного, положила туда же оставшиеся от аванса триста долларов. У нее оставлось всего шесть дней до визита заказчицы. Конечно, можно было плакать, убиваться, можно было на все наплевать и ждать приговора... Но Саше было легче чем-то заниматься. Особенно сейчас. Девушке невыносимо было оставаться в этой квартире. Они с Федором никогда не были здесь счастливы. Даже в то время, когда денег еще хватало, родители примирились с зятем, а Саша надеялась, что сумеет зарабатывать на жизнь своим искусством. «А где мы были счастливы? – спросила себя девушка, взглянув на уличный градусник и одеваясь потеплее. – У моих родителей? Ну, уж только не там. В Питере, на Фонтанке?» Да,

те времена вспоминались ей как что-то светлое, милое, беззаботное. Но девушка сама себе признавалась, что та жизнь была в чем-то игрушечной. Они играли в мужа и жену, играли в то, что ведут хозяйство, играли, что собираются пожениться... «Пока не доигрались!» – Саша почувствовала, что на глаза опять наворачиваются слезы, и запретила себе даже вспоминать о прошлом.

Она достала записную книжку и открыла ее на странице, куда записала телефон магазина Альбины. Она помнила, что на двери магазинчика было обозначено, что он открывается в десять утра. Судя по всему, хозяйка уже должна быть там. И Саша не ошиблась в своих расчетах. Альбина не только оказалась на месте – она сразу вспомнила вчерашнюю посетительницу и с живым интересом воскликнула:

– Ну как, встречались с Катериной? Как она там, еще не совсем с ума сошла?

Саша предвидела эти расспросы. Она честно передала содержание своего вчерашнего телефонного разговора. Альбина выслушала ее, ни разу не прервав. Даже когда Саша замолчала, хозяйка магазина не издала ни звука. Наконец она медленно произнесла:

– Ну, насчет того, что их отравили, я сомневаюсь. Кому они нужны? А вот оставить свечку и угореть от дыма они вполне могли... Катя сама могла бросить на пол сигарету, а там уж... Свечка или окурочек, какая разница! Бедный мальчик! А я ничего и не знала...

Она помолчала еще с полминуты, обдумывая услышанное. И затем неожиданно предложила:

– А знаете что? Я бы не прочь туда наведаться. Вы же интересовались Корзухиным, так, может, составите компанию?

– Зачем? – удивилась Саша. – Там все сгорело, и нас туда вообще вряд ли пустят.

– А, вы сумасшедшей тетки испугались? Да это чепуха! У них вся семейка по женской линии была с придурью! – подбодрила ее Альбина. – Это Катина тетка, да и то, кажется, не родная. Жила в том же квартале и отравляла бедной женщине жизнь, ходила в гости, советы давала. Черт, неужели она теперь стала наследницей?

Последняя догадка, неизвестно почему, окончательно завела Альбину. Она сказала, что выезжает максимум через час, и если Саша хочет взглянуть, как жил ее любимый Корзухин, – это последняя возможность. И девушка скрепя сердце согласилась подъехать к магазинчику Альбины к назначенному часу, чтобы оттуда отправиться уже вместе с хозяйкой на место происшествия.

Она открыла дверь магазинчика без пяти минут одиннадцать. Хозяйка была готова к выходу. Сегодня на ней был тяжелый синий балахон, плечи украшала пестрая вязаная шаль, а голову – все тот же уродливый пегий пучок. Увидев Сашу, женщина взмахнула огромной лакированной сумкой:

– Не проходите, ждите на улице, я сейчас запру!

Альбина вышла на улицу без пальто, что очень удивило Сашу – мороз стоял крепкий. Но оказалось, что хозяйка совсем неподалеку припарковала свою машину. Это был иссиня-черный «Крайслер», новенький, но очень грязный. Альбина уселась за руль, пригласила Сашу сесть рядом и занялась прогреванием мотора. Все это время она молчала, поджав губы и явно о чем-то задумавшись. Саше тоже не хотелось вступать в разговор. Она чувствовала себя очень неуютно. С одной стороны, девушка знала – сейчас ей предоставится возможность узнать еще что-то о Корзухине и его картинах. И эта возможность может оказаться последней. С другой стороны – ей вовсе не хотелось ехать туда, где совсем недавно случилась трагедия. «Я буду вынюхивать, высматривать, расспрашивать ту полоумную тетку... – подумала Саша. – А зачем? Картины, как та сказала, уничтожены. А тетка, чего доброго, узнает мой голос и опять примется меня проклинать. Интересно, за кого она меня приняла вчера?»

Машина тронулась с места, и Альбина тут же заговорила:

– А скажите, Саша, почему вы так интересуетесь этим художником? Вы, между прочим, первая из его поклонниц, с которой я встретилась.

– Неужели он так плох? – уклонилась от прямого ответа Саша.

– Да вовсе не плох, – согласилась Альбина. – Но я бы сказала, что и не хорош. Лет через сто он будет представлять какой-то исторический интерес. Старые картины все равно покупают, даже если они паршивые, вы это должны знать. Но сейчас... Все его забыли, он жил бог знает на какие средства, потихоньку спивался, конечно... Измучил жену, довел до болезни сына. Они были счастливы, когда он от них сбежал. Где вы раньше были, поклонница?

И она рассмеялась своим отрывистым, резким хохотком. Успокоившись, Альбина добавила:

– А в общем, он был неплохим художником. Только каким-то надломленным. Работал через пень-колоду, особо себя не утруждал. Когда-то подавал большие надежды... Но нет хуже несостоявшихся гениев! Все они, как правило, спиваются или еще хуже.

– А как он пропал? – Саша жадно ловила каждое ее слово. – Почему ушел из дома?

– Ну, это было уже не в первый раз, – пояснила Альбина. – С ним такое и раньше случалось. Исчезнет на месяц, на два. Потом является без гроша, ободранный, говорит, что ездил в Крым или в Среднюю Азию. Никаких картин не привезет, а говорит, что работал. Подработает на какой-нибудь халтуре и запьет. Проспится – и опять нормальный человек. Катя, несчастная женщина, его любила.

Эти слова Альбина произнесла серьезно, без своей обычной насмешливой интонации.

– Она только и мечтала, чтобы он бросил живопись, нашел нормальную работу. Она даже была согласна, чтобы он при этом пил, представляете?!

– А он? – спросила Саша.

– А он был не согласен, – кратко ответила Альбина и снова надолго замолчала.

Дорога не заняла много времени. Они проехали по Садовому кольцу, свернули на длинную улицу, застроенную серыми сталинскими домами, и Альбина припарковалась у какого-то супермаркета.

– Вылезайте, нам сюда, – она кивнула на дом, где располагался магазин. – И гляньте-ка на шестой этаж – там нигде окна не обгорели?

Саша вылезла на тротуар и задрала голову, обозревая верхние этажи дома. На стенах не было заметно следов копоти. Но три окна на углу были приоткрыты, и это в такой-то мороз!

– Вон та квартира? – указала она Альбине, которая как раз заперла машину.

– Да. – Та тоже подняла голову и взглянула на окна. – Что эта старая дура наврала, сильного огня не было!

Они вошли во двор, и старый, затхло пахнувший лифт поднял их на шестой этаж. Здесь Саша тоже легко определила, где именно жил художник. На площадке было три двери. Две – железные, аккуратно обитые дерматином, чистенькие. И третья – деревянная, выкрашенная малиновой краской, с выщербленным косяком.

– Значит, им дверь ломали, – Альбина провела пальцем по косяку, из которого торчали свежие щепки. – Что же она, старая, так и живет с открытой дверью? Значит, воровать нечего?

Альбина нажала кнопку звонка, но звука не последовало. Тогда женщина начала стучать. В конце концов из-за двери им ответил встревоженный женский голос. Саша узнала его – он принадлежал той самой женщине, с которой она говорила накануне вечером.

– Кто это? – тревожно спрашивала женщина. – Я никого не вызывала!

– Я Катина подруга, – громко крикнула Альбина. – Откройте, я все объясню.

– Не знаю никакой подруги, – испуганно отозвался голос.

– Она мне в магазин отнесла картины мужа! Деньги хотите получить?

При слове «деньги» в замке повернулся ключ. И через минуту Альбина и Саша уже стояли посреди разоренной комнаты и оглядывались по сторонам. Катина тетка прежде всего узнала их имена, а потом представилась сама:

– Нина, а если хотите по отчеству – то Нина Дмитриевна. Катя мне что-то говорила про картины, но я уж не помню. Так вы их продали?

– Да, – ответила Альбина, и Саша удивленно на нее посмотрела. Она очень сомневалась, что за один вечер хозяйке магазина удалось сбыть с рук залежалый товар. Почему же она так ответила? Ведь ей придется отдать деньги!

– Продала и принесла деньги, – солидно пояснила Альбина. – Кому их теперь отдать? Вам?

Тетка протянула было руку, но тут же нерешительно ее опустила:

– А я не знаю. Может, и не мне.

– Как не вам? – все тем же солидным, начальственным тоном переспросила Альбина. – Вы же наследница?

– Не знаю, – тетка совсем растерялась. – Я наследница с Катиной стороны. А мне сказали, что, может, сам Иван вернется, тогда он прямой наследник... А если у него есть родственники...

– Так Иван же пропал!

– Ну и что? Все равно неизвестно, умер или жив! Свидетельства о смерти у меня нет, значит, по закону он жив! Так может, теперь вернется? – И Нина Дмитриевна быстро вытерла глаза костяшкой согнутого пальца.

– Бессовестный! Ни на похороны не явился, никуда... Будто это его не касается.

– Ну, если вы его еще ждете, тогда конечно, – пожала плечами Альбина. – Я бы на вашем месте от денег не отказывалась. Или вы хотите, чтобы они Ивана дожидались?

Тетка наконец решилась. Она взяла деньги и, отвернувшись к окну, пересчитала их. Саша успела заметить только, что это были сторублевые купюры и было их совсем немного. Куда меньше, чем их эквивалент – двести долларов, который Альбина просила за три картины Корзухина. Но девушка опять промолчала. Она вообще старалась говорить поменьше, чтобы тетка не узнала ее по голосу. До сих пор этого не произошло, но Саша решила не искушать судьбу. Эта женщина вовсе не показалась ей ни сумасшедшей, ни даже просто глупой. Назвать ее старухой тоже язык не поворачивался, хотя женщине было явно за шестьдесят. Наверное, еще лет десять назад она была привлекательной. Сейчас же это была седая, опрятная, чуть полноватая женщина, очень уютная и удивительно голубоглазая.

Нина Дмитриевна тем временем сосчитала деньги и спрятала их в карман теплой вязаной кофты. Она ни слова не сказала о том, что ждала получить больше. Она даже не спросила, сколько именно картин продала Альбина. То ли ей было все равно, то ли она и эти деньги считала незаслуженным подарком судьбы. Альбина же продолжала командовать:

– Вот что, Нина Дмитриевна, вы мне покажите, что еще от него осталось. Я, может быть, возьму на реализацию. Им, – она вздохнула, – уже все равно эти картины не нужны... Даже как память об отце. А вам деньги не помешают. Ну, хотя бы квартиру отремонтировать.

– Да ничего почти не осталось, – тетка развела руками: – Все, что не сгорело, пожарные залили какой-то липкой пеной. Вон там, в той комнате, идемте...

Она провела их в комнату рядом с кухней. Здесь тоже не было видно следов огня. Саша только удивлялась – что же именно сгорело и где? Тетка будто услышала ее мысли:

– Кухня обгорела. Слава богу, в комнаты не пошло. А картины – вот они.

Альбина первая приблизилась к холстам, грудой наваленным в углу. Она наклонилась, попробовала поднять верхний холст и тут же брезгливо отдернула пальцы:

– Что это за гадость?

– Та самая пенка пожарная, – пояснила тетка. – Они все облили, чтобы возгорания опять не произошло.

– Так картины же не горели, я вижу!

– Ну и что? Туда могли искры попасть, а через два часа опять бы загорелось. – Тетка вздохнула. – Вообще, когда я сюда вчера пришла убираться, мне показалось, что все-все сгорело. Не все, конечно, я сейчас вижу. Только кухня. Но вы сами посмотрите – они этой пеной все вещи перепортили. Ну, не относить же в химчистку диван или картины...

Женщина обращалась главным образом к Саше. Альбина ее не слушала – преодолев брезгливость, она всю копалась в залежах холстов и бумаги. Саша не выдержала и тоже приняла в этом участие.

Мало-помалу им удалось разлепить картины и наброски. Их оказалось много – куда больше, чем думала найти Саша. Состояние всех картин было ужасным. Пожарная пена действовала на них не хуже растворителя. Альбина только хмурилась. Саша изо всех сил сдерживала свои эмоции. Она не хотела показывать, что эти картины имеют для нее такое большое значение. Наконец вся куча была разобрана и девушка смогла рассмотреть каждую картину в отдельности. Прежде всего она убедилась в том, что гуашь действительно была одним из любимых материалов Корзухина. И пользовался он ею умело и довольно необычно. В том числе писал ею на холсте. О долговечности своих картин художник при этом явно не заботился. Его больше волновал мгновенный эффект, оригинальное впечатление. Жанры он выбирал тоже самые разные. Чего здесь только не было! Городские и сельские пейзажи. Натюрморты. Портреты. Не было только того, что искала Саша. Ни один из пейзажей не был даже отдаленно похож на тот, который был ей нужен. Она вздохнула и отошла в сторонку. Альбина бросила на нее быстрый взгляд:

– Что, ничего по душе не пришлось?

– Я еще подумаю, – уклончиво ответила девушка.

– Ну, подумайте, – пожала плечами Альбина. – А я себе кое-что отберу. Хотя бы это, это и вот еще парочку натюрмортов.

Она отложила в сторону картины, наименее поврежденные пеной. Тетка только вздыхала:

– Боже мой, если бы вы раньше их купили! Катя так мучилась без денег... Вы же знаете, она почти не работала.

– Знаю, – грубо ответила Альбина. – Только мне-то не надо нотаций читать! У нее вообще никто ничего не покупал, только я взяла несколько картин на реализацию. И то, считайте, из жалости.

– И все же вы их продали, – весьма кстати заметила тетка. – Что за судьба у нее была, никаких радостей... Все хорошее случалось не вовремя. А вы, девушка, тоже хотели что-то купить?

– Да, я бы что-нибудь взяла, – Саша не могла больше отмалчиваться, это было бы невежливо. – Скажите, а других картин здесь нет? Картин или набросков, этюдов?

– Нет, деточка, все тут, – тетка только руками развела: – Разве вам этого мало? Неужели правду говорят: надо, чтобы художник умер, тогда его картины будут продаваться?

– Сами же говорите, что Иван жив, – бросила Альбина. Она не теряла времени даром и успела отобрать еще несколько картин. Саша заметила, что в основном это были натюрморты и пейзажи – то есть самый ходовой товар. На портреты хозяйка магазина даже не смотрела. А между тем девушка не могла не признать – портреты у Корзухина были весьма интересные.

«Вот по ним уже можно судить о нем, как о художнике, – подумала Саша. – Я бы сказала даже, что он был очень оригинальным портретистом. Ну, вот хотя бы это...»

Картина, на которую она обратила внимание, изображала худую белокурую женщину. Женщина сидела на стуле в углу пустой комнаты, сложив руки на коленях, и смотрела прямо

перед собой пустыми светлыми глазами. Казалось, она так и задремала – сидя, не закрыв глаз, или глубоко задумалась.

– Это Катин портрет, – вмешалась тетка, увидев, что Саша рассматривает картину. – Он его года три назад нарисовал. На ее день рождения. Я его продавать не буду, себе заберу на память.

И она горестно вздохнула:

– Я-то думала, что вообще ничего продать не удастся. А тут, смотрите-ка, покупатели набежали... Ну, вы тут сами хозяйничайте, когда выберете, позовете. А я на кухню пойду. Окно не закрывайте, пусть проветривается. До сих пор гарью воняет.

Она сняла со спинки стула синий рабочий халат, накинула его поверх кофты и вышла. Вскоре за стеной раздался шорох веника, скрежет совка. Альбина зябко поежилась:

– Старуха выстудила всю квартиру. Ну, что вы задумались, Саша? Не понимаю я вас. Выбор большой, неужели ничего не понравилось?

Саша указала на портрет жены художника:

– Мне вот это понравилось, но его не продадут. Скажите, а почему вы набросились на его картины? Надеетесь, что появится спрос?

Альбина понизила голос и заговорщицки пояснила:

– Теперь-то, может, появится. Когда предложение кончается, спрос обычно появляется. И честно говоря, покойница слишком дорого просила за картины. Тетка-то задаром отдаст. Ну и можно будет что-то выгадать. Катя просто не понимала нынешней ситуации. Ну и что, что Корзухина покупали в восьмидесятые года? Сейчас-то его забыли. Скромнее надо было быть, меньше запрашивать, тогда бы я у нее многое купила. Видите, как она жила? Ни мебели, ничего. По-моему, на одной каше существовали.

– Вы думаете, он сам никогда не вернется? – перебила ее Саша. Альбина начинала вызывать у нее отвращение. «Стервятница, – подумала девушка. – Тетка верно сказала: надо умереть, чтобы тебя стали покупать...»

– Иван-то? – легко откликнулась Альбина. – Никогда не вернется, будьте уверены. Катя даже в розыск не подавала, а то бы, наверное, уже что-то о нем узнали. Ну, сумасшедшая она была, что с нее взять! Честно говоря, это он ее довел. Когда-то была нормальная женщина, нормальнее многих.

И Альбина неожиданно широко перекрестилась. Саша даже вздрогнула.

– Пойду поищу газетки, свои картины переложить, – сообщила ей хозяйка магазина. – А вы быстренько ориентируйтесь, выбирайте себе что-нибудь. А то потом, глядите, тетка опомнится и цену взвинтит!

И она вышла из комнаты. Саша еще раз взглянула на портрет Кати. Сумасшедшая? Может быть. Слишком напряженная поза, слишком пустые глаза. А может, это было художественное преувеличение. Девушка перешла к другим портретам. На нескольких из них был изображен подросток с ярко-голубыми глазами – совсем как у Нины Дмитриевны. Наверное, это и был Артем, который погиб вместе с матерью. У Саши почему-то сжалось сердце – мальчик смотрел так спокойно и весело, и глаза у него были совсем живые – не то что на портрете Кати. Она поспешила перейти к другим полотнам. В основном Корзухин изображал женщин и детей. Одни портреты удались ему лучше, другие – куда хуже. Было видно, что художник работал очень неровно. С чем это было связано? С его пьянством, исчезновениями из дома, с каким-то внутренним надломом, о котором упоминала Альбина?

Один портрет увлек Сашу так, что она просто не могла от него оторваться. Он был написан маслом на холсте и лаком не покрывался. Картина изрядно запылилась, да и пострадала от пены... Но девушка уже не обращала на это внимания. Что-то поражало ее в этом портрете, а что – она никак не понимала.

На картине была изображена очень молодая девушка – худенькая, с неразвитой подростковой грудью, узкими плечами. Ее смуглая кожа казалась еще темнее по контрасту с легким белым сарафаном. Блестящие черные глаза с голубыми белками, полные, смеющиеся губы, тонкая золотая цепочка на худых, выпирающих ключицах... Девушка была изображена на природе, на ярком дневном солнце. Она сидела на посеревшем от дождей бревне, неловко подогнув босые ноги, щурясь от солнца. А солнца в тот день, наверное, было много – молодая яркая трава так и блестела.

Саша взяла картину и подошла с ней к окну. Она не могла оторвать глаз от лица девушки – таким живым, таким необычным оно ей показалось. «Да, это настоящее... – подумала она. – Оказывается, он мог и так рисовать... Странно, что все его забыли. Какого же года картина?» Она разобрала в углу знакомую уже подпись и две цифры – 7 и 6. И тут ее будто окатило горячей волной. Эта трава, это толстое, выщербленное топором бревно, на котором, наверное, кололи щепу для самовара... Она помнила его! Там, на уничтоженной картине, среди кустов малины... Оно лежало там, но было нарисовано в другом ракурсе! И год написания картины был тот же самый. А вот день, наверное, другой. На уничтоженной картине солнце закрывали мглистые, грозовые тучи. А на этой неба вовсе не было видно, но по всему понятно – в тот день не было ни облачка.

У девушки от волнения задрожали руки. Она и сама не знала, почему так разволновалась. Конечно, она узнала местность, но как ей это поможет? Ведь на этом портрете больше не было никаких пейзажных деталей. Только трава. Что скрывалось за темным пятном на уничтоженной картине – Саша так и не знала.

– А, вот это у него ничего себе получилось! – раздался у нее за плечом голос Альбины. Саша так и подскочила, она успела забыть обо всем на свете.

– Приличная вещь, только мне не подходит, надо что-нибудь более нейтральное, – Альбина вернулась с ворохом старых газет и теперь очень ловко перекладывала отобранные картины бумагой и сворачивала их в рулоны. – Я вам вот что советую – предложите старухе за нее рублей триста, а если не согласится – торгуйтесь. Ловите момент, такое может больше не повториться.

Саша не ответила ей. Так и не выпуская из рук портрета, она вышла на кухню. Нина Дмитриевна возилась, собирая обгоревшие тряпки в черный мусорный мешок.

– Я выбрала, – сказала Саша, показывая женщине картину. – Сколько вы за это возьмете?

Нина Дмитриевна выпрямилась и замученно взглянула на портрет:

– А, это... Ну, сколько дадите.

И тут Саша не выдержала. Она понимала, что говорит во вред себе, но так и понеслась:

– Да как же вы не видите, что это замечательная картина? Почему вы так небрежно к ней относитесь? Много я, правда, дать не могу, но я сама художница, и мне обидно, что этот каторжный труд ценится так дешево!

Нина Дмитриевна виновато улыбнулась:

– Милая, да я же в этом не разбираюсь... А насчет художников... Вы уж меня простите, но когда год за годом видишь, как этот ваш замечательный художник сводит племянницу с ума... Издевается над ребенком... – У нее перехватило горло, и она больше не улыбалась. Закончила женщина с трудом: – Начинаешь все это ненавидеть. А картина, наверное, правда хорошая. Берите, если нравится. Я не знаю, сколько это стоит.

Саша молча полезла в карман куртки, достала кошелек и чуть было не вынула оттуда столларовую бумажку. Она с трудом остановила себя – деньги расходились слишком быстро, а могли понадобиться очень скоро... Девушка выгребла все рубли. Их оказалось чуть больше тысячи. Она посчитала деньги и протянула их женщине. Та опешила:

– Что-то много!

– Берите!

Нина Дмитриевна нерешительно приняла деньги и снова взглянула на портрет:

– Да, много их у него было.

– Портретов? – уточнила Саша.

– Баб!

В это время на кухне появилась злая, как черт, Альбина. Она, конечно, слышала, как Саша рассуждала о ценах на картины Корзухина. Поэтому ожидала сопротивления, протягивая женщине жалкую сумму за отобранные ею семь картин:

– Я думала взять их на реализацию, но сейчас решила, что вам срочно деньги нужны. Тут такой бардак, надо срочно ремонтировать!

Саша легко поняла ее замысел. Альбина испугалась, что Нина Дмитриевна и впрямь одумается и поднимет цены. И тогда ей придется отдать куда больше за картины, взятые на реализацию. Альбина желала рассчитаться немедленно, чтобы к ней больше не было никаких претензий. Но Нина Дмитриевна, видимо, была не из тех, кто умеет постоять за свои интересы. Она безропотно взяла деньги и поблагодарила:

– Спасибо, мне и правда нужно... Не знаю, как быть с ремонтом, у меня и у самой ремонта нет... Честно говоря, просто на жизнь не хватает. Вы меня так выручили!

Женщина все еще благодарила, когда Альбина повернулась и пошла к выходу. Она была так зла, что даже не попрощалась. Саша не стала ее догонять. Ей не хотелось проводить с этой хищницей даже лишние пять минут, не то что ехать вместе с ней в машине. Как видно, тетку тоже стесняло присутствие Альбины. Как только та захлопнула за собой дверь, женщина сразу оживилась:

– Она и в самом деле Катина подружка? Что-то какая-то грубая. А вы, Саша, Катеньку лично не знали?

Девушка покачала головой.

– А Ивана?

– Нет, я никого не знала, – Саша тоже взяла газету и стала заворачивать купленный портрет. – Я просто увидела одну его картину, и мне она понравилась. Вот, захотелось посмотреть что-то еще. Может, вы помните, у него в семьдесят шестом году был пейзаж...

Но тетка даже не дала ей договорить, махнув рукой:

– В семьдесят шестом году я его и не знала! Они с Катей поженились в семьдесят восьмом, а я Ивана впервые увидела на свадьбе.

Саша подавила разочарованный вздох. Она-то рассчитывала, что тетка, по крайней мере, сможет рассказать, где Иван провел лето семьдесят шестого года. Если бы удалось найти тот уголок... И тут ее осенило. Конечно, родственница Кати могла этого не знать. Но ведь были же у самого художника какие-то родственники! Может быть, это дача его родителей?! Она прервала женщину, которая в этот момент сокрушалась о том, что как раз на днях должна была отмечаться фарфоровая свадьба Кати и Ивана, двадцатилетний юбилей супружеской жизни.

– Хотя какой уж тут юбилей, – горестно заключила женщина. – В этот день принято стол сервировать новым фарфором. А у них не то что фарфора, у них и стола нормального не было! Все расшатанные, краской испачканы... А жених уже полгода как в бегах, о, господи... А невеста...

– Простите, – Саше наконец удалось вставить слово. – У него самого, у Ивана, остались хоть какие-то родственники?

– Есть, наверное, кто-то, – неуверенно сказала женщина. – Но я с ними не знакома.

– Как? – удивилась девушка. – Иван с Катей были женаты двадцать лет, а он вас даже с родней не познакомил?

– Ну, если бы он был нормальным человеком, то познакомил бы, – обиженно сказала тетка. – А он то что-то скрывал от нас, то сам скрывался. Вроде бы хороший мужик, добрый... И в то же время – дрянь!

А Саша давно уже прикусила язык. Она вспомнила, что Федор тоже не познакомил ее с родителями и, судя по всему, даже не собирался это делать. Впрочем, его в чем-то можно было понять – ведь бывшая жена жила с его родственниками. Не встречаться же всем вместе! Но что в таком случае скрывал от жены Иван?

– А сколько им было лет, когда они поженились? – спросила Саша.

– Они были ровесники, – охотно сообщила женщина. – Обоим по двадцать. Иван только из армии пришел, а через год всех начали в Афган отправлять! И как он радовался, что смерти избежал! А ведь хотел получить отсрочку, поступал в институт... Слава богу, что не поступил! А то бы закончил – и отправили бы его... Прямо туда, на смерть.

Нина Дмитриевна оживилась. Было видно, что ей давно никому не доводилось изливать душу. Она обмахнула тряпкой табурет и придвинула его к Саше:

– Садитесь, я попробую чай найти. У них еще должно остаться...

Но Саша от чая отказалась. Она жадно слушала и пыталась что-то сопоставить. Значит, Иван написал обе картины в семьдесят шестом году, в том самом, когда его забрали в армию. Тетка сообщила, что Ивана забрали в осенний призыв. Значит, картины написаны перед армией. Ивану было всего восемнадцать! Девушка была поражена, когда уяснила этот факт. Для такого молодого художника картины были очень сильные. Зато потом, в более зрелом возрасте, начался явный спад. Почему? Быть может, тогда, в юности, художника что-то вдохновляло? То, что исчезло потом? Может быть, любовь? Та девушка в белом сарафане? «Такой портрет нельзя написать, не влюбившись в модель, – подумала Саша. – Он был влюблен, и он хорошо ее знал. Тут ошибиться нельзя. ТАК нарисовать незнакомого человека невозможно».

– Значит, он сразу женился, как только вернулся домой? – спросила она тетку.

– Да почти сразу, – кивнула она.

– А они с Катей были знакомы раньше?

– Да нет, на улице познакомились. И можете себе представить, Саша, он в тот момент был немного того, подвыпивши, – понизила голос женщина. – Но Катя внимания не обратила. Она мне потом говорила, что он ей сразу понравился. Веселый такой, симпатичный... И руки не распускал, вел себя вежливо. А много ли дурочке надо? Конечно, она влюбилась. И ведь не было никакой нужды жениться, она только через год после свадьбы забеременела. Я сама ей советовала – узнай его получше, прежде чем связываться на всю жизнь!

– Ну, в конце концов, существует развод, – возразила Саша.

Но женщина не согласилась:

– А это для кого как. Для таких, как она, – никакого развода не существует. Влюбилась на всю жизнь. Иначе разве бы она стала с ним мучиться?

Саша наконец встала:

– Ну, спасибо вам.

– Уходите? – Женщине явно не хотелось с ней расставаться. – Ну, что ж... Если захотите еще что-то купить – пожалуйста. Лучше я вам продам, чем этой Альбине.

– Скажите, – напоследок обернулась к ней Саша. – А чья это была квартира – Ивана или Кати? Они всегда тут жили?

И женщина объяснила, что квартира была Катиных родителей, что Катя тут родилась и выросла, что после свадьбы Иван тоже тут поселился, а где он жил раньше – она не знает. Но где-то в Москве, это точно. А вот в каком районе – неизвестно. Женщина попрощалась и заперла за Сашей дверь. Слабо щелкнул единственный уцелевший после взлома замок. И Саша почему-то подумала, что квартира, в сущности, не заперта.

Спустившись во двор, девушка огляделась по сторонам и заметила женщину с коляской. Саша не ошиблась – женщина действительно жила в этом доме и рассказала, как найти ЖЭК и паспортный стол. Не добившись толку от тетки, Саша решила действовать в другом направ-

лении. Она отправилась по указанному адресу и увидела, что ей повезло – как раз были приемные часы. Выстояв небольшую очередь к паспортистке, девушка в конце концов изложила ей свою просьбу.

– А, это где был пожар? – вяло спросило существо в каштановых кудряшках. – Так там все погибли.

– Но Иван Корзухин жив, и он до сих пор там прописан, – втолковывала ей девушка. – Мне нужно узнать, где он был прописан раньше.

– Зачем? – все так же вяло спросило существо.

– Он художник, а я – журналистка, – Саша решила приврать, чтобы добиться хоть какого-то результата. – Хочу написать о нем статью, и мне нужно знать, где он родился и вырос.

Существо задумалось, а потом посоветовало Саше обратиться в милицию, к начальнику регистрационной службы или в тамошний адресный стол. Уж там-то все знают.

– А вы разве не знаете? – Саша теряла терпение. – Он здесь прописывался, вы же должны были записать, откуда он прибыл!

Существо потрянуло всеми своими кудряшками и гневно заявило, что ничего такого не записывало! Саша и сама поняла, что сглупила – этой девице было никак не больше двадцати пяти лет. Не могла же она сидеть в здешнем паспортном столе в пятилетнем возрасте, когда сюда пришел прописываться Иван Корзухин! Но, видно, в мозгу кудрявой девицы все-таки сдвинулось какое-то заржавелое колесико. Она встала, распахнула огромный допотопный шкаф и по пояс исчезла в нем. Через пять минут на свет появилась картонная белая папка, а оттуда – разграфленный листок. Девица хмуро в него вгляделась:

– Ну, вот. Корзухин Иван Андреевич, пятьдесят восьмого года рождения – он?

Саша подтвердила, что он ей и нужен. Девица сообщила ей, что Корзухин прежде был прописан в центре, в Подколокольном переулке. Она назвала номер дома и квартиру, и Саша торопливо занесла эти данные в свою записную книжку. Девушка протянула паспортистке большую коробку конфет, купленную в булочной по дороге в ЖЭК. Возможно, именно эта коробка и произвела такое магическое действие, так как Саша не только не прятала от девицы конфеты, а наоборот,ставляла их напоказ.

Саша вышла на крыльцо ЖЭКа, погладила подвернувшуюся под руку жирную кошку и задумалась. Ей ничего не оставалось, как ехать по этому адресу и пытаться найти людей, которые знали Ивана до армии. Должны ведь найтись такие старожилы, не так уж много времени прошло! Девушка взглянула на часы. Половина третьего. Как раз то время, когда ровесники Ивана в основном на работе. Но старики должны быть дома. А старики могут знать и помнить даже больше, чем сорокалетние люди. Во всяком случае, прошлое имеет для них куда большее значение.

Глава 4

Дом, который был ей нужен, выходил не на Подколокольный переулок. Он располагался в глубине двора, и Саша долго искала его. Спросить дорогу было не у кого – прохожих здесь почти не было. Наконец девушка наткнулась на старушку, возвращавшуюся из церкви на углу, и та довела ее до самого подъезда.

– Вам на второй этаж, – старушка с любопытством оглядела Сашу. – А вы не из собеса?

– Нет... Я ищу родственников одного моего знакомого.

Старушка захотела узнать фамилию знакомого. И Саша радостно вздрогнула, когда старушка протянула:

– А, так вы художника ищете!

– Да! – воскликнула Саша. – А вы его знаете?

– Я его замечательно помню! – еще раз обрадовала ее старушка. – Только там никого из его родственников нет.

– Где же они?

– А они свои две комнаты продали. Давно, лет пять уже. Теперь в той квартире живет только одна семья.

Сопровождая Сашу на второй этаж, старушка успела также рассказать, что семья эта завладела квартирой на самых законных основаниях, так как сильно расплодилось, а имела всего-навсего две комнаты. Напоследок, уже у самой двери, она дружелюбно посоветовала девушке не терять времени даром. Художник в этой квартире не появлялся давным-давно. После чего старушка медленно поползла вверх по лестнице.

Саша стояла перед высокой, двустворчатой дверью, аккуратно выкрашенной в экономичный коричневый цвет. Судя по всему, люди здесь жили небогатые – на железную дверь денег у них не хватило. Это немного ободрило девушку, и она все-таки решилась нажать кнопку звонка. Ей не пришлось долго ждать ответа. Сперва послышался заливистый лай, потом он смолк и собака принялась скрестись о порог с внутренней стороны.

– Фу, Мики, фу! – звонко крикнула женщина. Ее голос быстро приблизился, и она спросила: – Кто там?

Саша, путаясь и запинаясь, попыталась объяснить, кто она такая и почему сюда явилась. Она по-прежнему держалась версии о журналистке, которая желает написать статью о художнике. Рассказ, видимо, произвел впечатление, потому что загремел засов, щелкнул тугой замок и на лестницу вылетела маленькая черная собачонка.

– Куда? – закричала женщина и тут же обреченно махнула рукой: – Да черт с тобой, гуляй, засиделась...

И Сашу впустили в прихожую.

– Не разувайтесь, у нас грязно, – бодро сказала женщина. – И куртку тоже не снимайте. У нас холодно. Вчера была авария, отопление отключено.

Сама она была закутана, как эскимос. Грязноватый белый свитер с огромным воротом, доходившим до нижней губы. Теплые пушистые гамаши. Вместо тапочек – валенки с отрезанными голенищами. На плечах – пуховый платок. Саша последовала ее совету и раздеваться не стала. Она сразу почувствовала промозглую сырость, а когда выдохнула на пробу воздух, возле ее рта за клубился пар.

– Да, да, сами видите, – кивнула женщина, заметив этот эксперимент. – Пойдемте чай пить, я как раз вскипятила. Вот сюда, в мою комнату.

Она провела Сашу к себе и усадила подальше от окна – чтобы не дуло. Придвинула к ногам девушки электронагреватель. Другой нагреватель, также раскаленный добела, красовался у дивана, где женщина, видимо, с удобством проводила время. Работал телевизор,

показывали какой-то детский приключенческий сериал. Женщина щелкнула пультом, и экран погас.

– Вот так и живем, – сказала та, высвобождая подбородок из воротника свитера. – А вы, значит, хотите о нем писать статью? Лучше поздно, чем никогда.

– А почему вы думаете, что уже поздно? – спросила Саша.

– Да потому что он спился, – прямо сказала женщина. – Да армии – ни капли не пил. А потом как дал жару! И между прочим, до армии он писал такие картины, что глаз не отвести. Хотя нигде этому не учился. Так просто рисовал, для забавы, ради удовольствия. Не продавал их, а раздавал. Мне тоже дарил.

Она вздохнула и налила гостею чаю, придвинула печенье:

– Грейтесь. Паршивый выдался ноябрь, я сама болею, и дети все больны. Так о чем вы хотели спросить?

– А что же случилось после армии? – осторожно поинтересовалась Саша, принимаясь за чай. – Почему он стал спиваться?

– Потому что решил всерьез заняться живописью, а всерьез у него не получалось, – пояснила та, укутывая заварочный чайник. – Стал искать, кому бы картины показать. Из знающих людей. А его никто не хвалил. Ну, просто ни одна собака! Парень расстраивался, метался... Стал в себе сомневаться. Ну, и давай зашибать. Компенсировать неудачи, так сказать. Он ведь сразу после армии женился бог знает на ком, переехал от родителей. И все равно сюда бегал. Сядет во дворе с алкашами и...

– А вы его хорошо знали?

– Вместе выросли, – грустно сказала женщина и вдруг спохватилась: – Кстати, меня зовут Люся.

Саша тоже представилась. Хозяйка секунду испытующе смотрела на нее и вдруг предложила:

– Выпить хотите?

Такое предложение в свете рассказа про алкашей звучало пугающе. Но Саша не стала отказываться. В комнате, несмотря на два обогревателя, было очень холодно. Потолки здесь были высокие, метра четыре, и воздух, не успев нагреться, сразу остывал. Люся нагнулась и откуда-то из-под дивана выхватила водочную бутылку на четверть литра:

– Единственное средство не помереть в такую стужу. Вы не думайте, что я алкоголичка. Так, жизнь заставляет.

Она вынула из буфета две стопочки и разлила водку:

– Закусывать особо нечем, я не была в магазине. Вот дети из школы вернутся, тогда что-нибудь принесут. Я, дура, так радовалась, когда мы всю эту квартиру заняли! Представьте, какая роскошь – четыре комнаты, кухня пятнадцать метров, кладовка! Ну, а что теперь? И месяца не проходит, чтобы не было какой-то аварии. То в подъезде батарею рванет, то у нас труба потечет, то проводка начнет искрить... Безобразие. Лучше в новом доме жить, но пойте, такие хоромы бросать жалко...

Саша, выросшая в двухкомнатной хрущобе, ее прекрасно понимала. Выпив, Люся покраснела и стала еще разговорчивей:

– Значит, будете писать об Иване. Здорово! Вы, главное, не пишите, что он был пьяница. И так о нем никто хорошего не скажет. Да разве в том беда, что он выпивал?

– А в чем? – Саша для вида вынула блокнот и ручку. – Скажите, а вы не замечали в нем никакого... надлома, что ли?

– Армия его сломала, – подтвердила Люся. – Он вернулся совсем другим. В первые дни я ничего не замечала. Ну, я тогда была занята собой, у меня как раз роман раскручивался... Мне казалось, он был такой, как всегда. Зато потом...

Женщина задумалась и сказала, что особенно ей запомнился один вечер. Это было вскоре после того, как Иван вернулся из армии. Квартира была еще коммунальной, и телефон висел в коридоре, на стене возле ванной комнаты. Он был приколотен намертво, а под ним стоял табурет. И эта система была очень неудобна – разговоры слышала вся квартира. Так что обычно уходили с телефонной трубкой в ванную и прикрывали за собой дверь. Закрывать ее плотнее не позволял провод, так что обрывки разговоров все равно было слышно.

– Я как раз хотела попасть в ванную, у меня свидание намечалось, нужно было голову помыть, – вспоминала Люся. – А Иван засел там с телефонной трубкой и говорит, говорит... Ну, я сперва посидела у себя в комнате, потом стала по коридору ходить. Наконец не выдержала, стукнула в дверь, приоткрыла ее и говорю: «Ваня,пусти меня, мне ванна нужна». Я, конечно, шепотом сказала, чтобы меня в трубке не слышали. Но, знаете... Он тоже меня не слышал. Сидит на скамеечке, трубку перед собой держит и не говорит, а просто молчит. И в трубке молчат, гудков нет. А Иван весь в слезах.

Люсе тогда было шестнадцать лет. Иван, вернувшийся из армии, представлялся ей таким взрослым и солидным, что она глазам своим не поверила. Как он мог плакать! Девочка выскочила в коридор и решила, что ей это привиделось. Но потом она услышала, как в раковине зашумела вода, и наконец парень вышел – весь красный, с припухшими глазами. Он как будто только сейчас ее увидел.

– Он мне сказал: «Как ты выросла, Люська!» – У женщины слегка сел голос, и вряд ли это было от простуды. – Так странно это сказал... Будто не знал, что я еще расту. А я ему ответила: чего же ты хотел, два года прошло! Он кивнул и ушел к себе. А через час, когда я уже собралась и вышла во двор, увидела его. Он сидел с алкашами на лавочке, курил, и глаза у него были мутные.

Женщина, не спрашивая разрешения, налила Саше еще стопку водки, а затем и себе. Она выпила, уже не вспоминая ни о какой профилактике от простуды, и сбросила с плеч платок. Девушка к водке не притронулась. Она помнила, как у нее болела голова с похмелья, и предпочитала простудиться.

– И что было потом? – спросила она, увидев, что Люся погрузилась в воспоминания.

– Потом? – встрепелась та. – Потом он женился и уехал жить в другой район. Сюда приходил редко. И честно говоря, лучше бы вообще не приходил. Нет чтобы помочь родителям, наоборот! Еще и деньги у них занимал!

Она рассказала, что комнату, освободившуюся после Ивана, его родители умудрились сохранить за собой и сдавали ее. Эти деньги были для них большим подспорьем. Во всяком случае, они могли чем-то помочь сыну. А помощь ему требовалась постоянно.

– Вечно придет, попросит денег будто бы на краски и тут же все пропьет, – вздохнула Люся. – Я им уже говорила: «Тетя Наташа, дядя Андрей, хватит, вы же сами его спаиваете!» Ну, родители есть родители, им не втолкуешь. А потом Иван вообще перестал приходить. Только звонил иногда. Так что я больше ничего и не знаю.

– И его жены вы никогда не видели? – уточнила Саша.

– Никогда.

– А почему же говорите, что она «бог знает кто»?

– Да потому, что эта цаца даже не соизволила познакомиться с его родителями! – зло сказала Люся. – Вы можете такое представить! Ну, ладно бы, молодые жили в Сочи, а родители в Норильске! И то люди как-то знакомятся! А тут – один город, на метро бы денег хватило! И она ни разу, ни разу, понимаете, сюда не пришла! Она же в глаза этим старикам плюнула!

И Люся немедленно налила себе еще стопочку и выпила. Она ни разу не закусила, но следов опьянения не было заметно. Разве что разгорающийся на щеках румянец да излишняя быстрота речи. Саша попыталась ей возразить:

– А у меня другие сведения. Родственница Кати мне сказала, что это сам Иван не хотел знакомить жену со своими родителями.

– Соврала эта родственница, – резко бросила Люся. – Иван никогда бы так себя не повел! Надо было знать этого парня! Валите с больной головы на здоровую!

Тут она спохватилась и уже мягче сказала:

– Извините, мы с вами слишком многое разворошили, я что-то разгорячилась... Ведь его родители мне были как родственники. Я в раннем детстве вообще думала, что соседи – тоже члены нашей семьи. Потом только мне объяснили, что они нам не родные. Представляете теперь, какие тут были отношения? В коммуналках это редкость, но бывало и такое.

– А почему они уехали отсюда? – поинтересовалась Саша.

– Потому что нам с мужем повезло, – охотно пояснила женщина.

Она рассказала, что, после того как вышла замуж, осталась жить в этой квартире. В их семье было теперь пять человек – бабушка, отец, мать, сама Люся и ее муж. Через год прибавился шестой член семьи. Через два года – еще один ребенок.

– В одной комнате жили старики, в другой – мы с мужем и детьми, – с каким-то веселым ужасом рассказывала она. – Что тут было! Содом и Гоморра! Я как-то заболела пневмонией, так мне из больницы не хотелось уходить! По сравнению с домом там было так тихо, так чисто!

Семья стояла в очереди на расширение жилплощади, но дело никак не двигалось. Надо было сунуть взятку, а лишних денег не водилось. И тут умерла бабушка Люсиного мужа и завещала внуку однокомнатную квартиру.

– Мы предложили тете Наташе и дяде Андрею разменяться. Зачем им две комнаты, они все равно жили в одной. И они согласились. Уехали в ту квартиру и сейчас там живут.

Люся охотно дала госте адрес стариков Корзухиных. И попросила передать им привет:

– Проклятье какое-то! Так замоталась, что нет времени к ним в гости заехать. Бабушка моя сейчас совсем не встает, она в соседней комнате лежит. Родители еще работают. Да еще эта шавка, ее ведь тоже не бросишь, бабушка сама ее даже из квартиры выпустить не сможет. Ну, куда я из дома выйду?

Напоследок Саша попросила показать картины, которые, по словам Люси, ей дарил Корзухин. Она с замиранием сердца ждала, что увидит желанный пейзаж. Ведь картины явно были написаны до армии... Люся провела ее в другую комнату и показала небольшой картон, заключенный в рамочку. На рисунке был изображен букет полевых цветов в глиняном кувшине.

– Я их нарвала на даче, а Иван нарисовал, – пояснила Люся.

– На какой даче? – стремительно повернулась к ней Саша.

– Я уже не помню, – задумалась женщина. – Ездили куда-то в гости... Я с подружками, Иван с друзьями. Куда же это мы такой компанией отправились?

Женщине удалось вспомнить одно – у кого-то из девчонок был день рождения. Она хотела пригласить очень много народу, и родители предложили отметить праздник на своей даче. Молодежь охотно согласилась. Но где находилась та дача, как они туда добирались – этого Люся вспомнить не могла.

– Мне было лет тринадцать-четырнадцать, – извиняющимся тоном произнесла она. – Столько впечатлений... О дороге я как-то и не думала, за меня думали старшие. Но если вам так нужно, я могу у подружек узнать. Может, кто-то помнит?

Саша попросила обязательно это сделать. Попутно она выяснила, что у родителей Ивана дачи никогда не было. Девушка оставила Люсе свой телефон и попросила позвонить, как только та вспомнит что-то, относящееся к тому давнему празднику. Она поблагодарила женщину и попрощалась с нею.

Когда девушка вышла на улицу, было уже темно. Она вымоталась, замерзла и очень хотела есть. Возле метро Саша купила себе булочку с сосиской и проглотила ее тут же, стоя под навесом палатки, который совсем не спасал от пронизывающего ветра. «Куда теперь? –

Саша достала носовой платок и вытерла пальцы. Ей очень мешал рулон с картиной, который то и дело приходилось переключать из руки в руку. – Ехать к его родителям? Если кто-то и знает, где он сейчас находится, то только они... Но почему же Катя не обратилась к ним? Даже если они не были знакомы? Ведь ее муж пропал! А она даже не пыталась его найти, не заявила в милицию. А если он в самом деле погиб? Если потерял документы, если труп не опознали? Неужели ей не приходило в голову хотя бы то, что ему нужна помощь? Меня, постороннего человека, это волнует, а ее – не волновало?»

Девушка отыскала таксофон и попробовала дозвониться до родителей Ивана. Телефон ей дала Люся. Номер был занят. Саша побродила по подземному переходу, рассмотрела все киоски, опять позвонила. Тот же эффект. Наконец девушка решила ехать без предупреждения. Она больше не могла ждать.

Дорогу Саша знала только приблизительно. Выйдя из отдаленной станции метро, она долго блуждала, умудрилась сесть не на тот автобус, потом полчаса дожидалась другого, чтобы вернуться на исходную позицию и начать все сначала... Нужный дом нашла только спустя два часа. В транспорте ее изрядно помяли, девушка замерзла и уже ничего не соображала. Она, как автомат, шла к намеченной цели и даже думать боялась о том, что родителей Корзухина не будет дома или они давно переехали.

Но они были дома. Саша позвонила в дверь, а когда мужской голос спросил, кто там, измученно повторила свою версию о журналистке, разыскивающей художника. Ей открыли не сразу. За дверью несколько минут перешептывались, и наконец женский голос испуганно спросил, кто именно ее сюда направил. Саша назвала имя Люси, и дверь тут же распахнулась:

– Так вы сейчас были в Подколокольном? – взволнованно спросила пожилая женщина в теплом спортивном костюме. – Проходите, пожалуйста. Как вас зовут? Меня – Наталья Семеновна.

Хозяева сразу увидели – девушка замерзла настолько, что ей трудно говорить. Сашу пригласили в единственную комнату, усадили за стол и через пять минут вручили большую чашку горячего чая. Девушка сделала два глотка и поняла, что засыпает. У нее не было сил начинать уже привычное вранье, и она спросила прямо, как можно найти самого Ивана?

– Если бы мы знали! – всплеснула руками женщина. – Он в очередном путешествии.

– Но его нет уже полгода. Не слишком ли долго длится путешествие? – Саша сделала еще один глоток и с трудом разлепила слипающиеся глаза. – Вы не пытались его искать?

– Пытались, – вступил мужчина, который представился как Андрей Викторович. – Подали заявление в милицию и даже по телевизору его фотографию показывали. Чего нам это стоило! Оказывается, столько людей пропадает. Чтобы показать их фотографии, стоит огромная очередь...

– Но никто нам не звонил, – упавшим голосом сообщила женщина. – Я так надеялась на телевидение...

– А в милиции сказали – если бы это был ребенок! А то – взрослый мужчина, да еще часто куда-то уезжал. Сказали – мы ищем, а вы ждите. Может, сам вернется. Мы и ждем.

Саша поставила на стол пустую чашку:

– Я так надеялась, что вам что-то известно. Но вы хотя бы знаете, что две недели назад погибли его жена и сын?

Женщина взглянула на нее так, словно Саша дурно пошутила:

– Что вы говорите?

– Они погибли, я сегодня была у них на квартире. Там сейчас находится тетка Кати, вашей снохи. Она даже не знала, есть ли у Ивана какая-то родня. Я не верила, что вы до сих пор не были знакомы. Но Люся сказала, что так и есть.

– Так они погибли?! Правда?! – перебила ее женщина и присела на скрипнувший диван. – О, боже... Как это случилось?

Саша рассказала то, что узнала от Катиной тетки, но призналась, что подробностей не знает.

– Их отравили?! – прошептала женщина. – Пытались поджечь квартиру? Господи, да что там было воровать?! У них же ничего не было, Иван не зарабатывал...

– Наташа, выпей свое лекарство, – настойчиво сказал муж, подсовывая ей налитый до половины стакан. Наталья Семеновна, давясь, выпила лекарство, и по комнате сразу разошелся острый запах камфары. Женщина и в самом деле сильно побледнела и машинально поглаживала левый бок. Саша видела, что эти люди ничего не знали ни о снохе, ни о внуке. Такое казалось ей почти невероятным, но приходилось в это поверить.

– Нас так и не познакомили, – прошептала Наталья Семеновна, возвращая мужу стакан. – Я видела Артема только на фотографии, Иван как-то принес показать... Когда были похороны? Где их похоронили?

И вдруг, повысив голос, с визгливой ноткой произнесла, обращаясь к мужу:

– Это все ты, ты! Говорил – успеем, познакомимся, пусть они сделают первый шаг! Вот, прошу теперь на кладбище знакомиться! Ну, ладно, пусть она была не подарок... Но чем был мальчик виноват?!

Мужчина отмолчался. Он вышел на кухню и загремел посудой. Наталья Семеновна закрыла глаза ладонью. Дышала она тяжело, и Саша видела, что женщина с трудом удерживается от слез. Если бы не посторонняя в доме – она бы уже расплакалась. Но Саша не могла так просто встать и уйти. Слишком долго она добиралась до этих людей.

– Простите за навязчивость, – тихо сказала она, дождавшись, когда женщина на нее посмотрит. – Но меня очень интересует прошлое вашего сына. Особенно – до армии.

– До армии! – горестно повторила та. – До армии мы были счастливы. Что я еще могу сказать?

Она поколебалась и наконец сняла с полки альбом с фотографиями. Подозвала Сашу и усадила ее рядом с собой на диван:

– Вот, смотрите. Ване шестнадцать... Это их всем классом водили в фотоателье. Глаза у него на самом деле синие, ярко-синие. Но тут получились карие. У него на всех цветных снимках так. А тут ему уже семнадцать, он с друзьями в походе. А это – перед самой армией, летом...

Саша впервые увидела Корзухина. И у нее опять сжалось сердце, так же, как и перед портретами Артема. Мальчик с фотографии смотрел на нее такими же наивными, доверчивыми, светлыми глазами, как и Артем. Худенький, скуластый, растрепанный и очень симпатичный. Саша рассматривала снимки и ловила себя на мысли, что не представляет этого мальчика взрослым, пьющим, несчастным. Примерно такое же чувство она испытала, когда впервые узнала о том, что ее любимый солдат из фильма «Старая, старая сказка» – Олег Даль – в обычной жизни горький алкоголик. Она никак не могла в это поверить.

– Может, если бы не эта Катя, у него вся жизнь сложилась бы по-другому, – будто про себя сказала женщина.

– Почему вы так думаете?

– Потому что он ее не любил. Женился назло, только чтобы отомстить. А может, хотел как-то заглушить боль, не знаю.

Саша вопросительно взглянула на женщину, и та пояснила:

– История-то простая. До армии у Вани была девушка, и он ее просто боготворил. – Наталья Семеновна вздохнула. – А потом... Два года разлуки... Когда он ушел в армию, ей было всего шестнадцать. Для него это была первая любовь, а для нее, я думаю, – просто игра в любовь. Она очень удивилась, когда Иван вернулся домой и захотел с ней встретиться... Сказала, что не ждала его и нарочно ему туда не писала, чтобы он ни на что не надеялся. Представьте, какой это был удар! Сильный мужчина перетерпел бы такое, сжав зубы. Может,

перестал бы верить женщинам на слово, уважать женское постоянство... Но Иван-то был еще не мужчина, а уж насчет силы...

Женщина криво прикусила губу и замолчала. Саша ждала, затаив дыхание, но Наталья Семеновна вдруг захлопнула альбом:

– А потом он запил, как-то мимоходом женился, ну, а дальше жизни уже не было. Не хочу вам показывать его недавние фотографии. Вы его просто не узнаете.

– Вы знали его первую девушку?

Женщина покачала головой:

– Нет.

– Как?! Получается, что он вас вообще ни с кем не знакомил?

– Получается так, – согласилась она. – Может, это звучит дико, но я его даже понимаю. В нем была какая-то невероятная застенчивость... Даже робость, я бы сказала. Он так охранял свои чувства, так их скрывал, что даже нам боялся представить эту свою любовь... Ну, а что касалось Кати... О покойниках плохо не говорят, но я только повторю его собственные слова. Иван нам так и сказал: «Она не стоит того, чтобы ее вам представлять».

– И целых двадцать лет вам было достаточно этих слов?! – не поверила Саша. – Даже после того, как родился ваш единственный внук?!

Женщина промолчала. Что она думала об этом – трудно было понять. Саша уловила одно – ей очень неприятно касаться этой темы.

– Что ж, – девушка подумала секунду и достала сверток с картиной. – У меня есть еще один вопрос. Взгляните – может, узнаете девушку или местность?

Женщина с любопытством рассмотрела холст и сразу определила, что это работа ее сына:

– Да, он так рисовал до армии. Я вижу, тут и дата есть? Наверное, это та самая его возлюбленная. Что ж, она его стоила... Красавицей ее не назовешь, но есть что-то поважнее красоты. И какая молоденькая! Совсем ребенок!

– Вы даже имени ее не знаете?

– Как же, знаю... Постойте, как же ее звали, ведь я слышала неоднократно, когда он ей звонил... – Наталья Семеновна задумалась и потом нерешительно сообщила, что девушку звали как-то на «Л». – Лиза, Лена, Лариса... Что-то в этом роде. Сами понимаете, это было двадцать два года назад... Целая жизнь прошла.

Саша задала вопрос, на какой даче мог быть написан этот портрет. Определенного ответа девушка не ждала, но тут ей неожиданно повезло. Наталья Семеновна сказала, что последнее лето перед призывом сын проводил в городе, но часто ездил на дачу к этой самой девочке, в которую был влюблен. Адреса она не знает, но поезд туда уходил с Ярославского вокзала.

– Это какое-то захолустье, собственно, и не дача, а деревенский дом, – пояснила она. – Насколько я поняла, там не было ни сада, ни даже огорода. Так, росло что придется.

– Ваш сын привозил оттуда какие-нибудь этюды? – поинтересовалась Саша, сворачивая портрет и упаковывая сверток в газету.

– Может, и привозил, но только у нас совсем нет его старых картин. Когда Иван женился, он все увез на новую квартиру. Если сам не уничтожил, то все этюды там. Продать-то он почти ничего не мог.

Саша поняла, что больше ничего узнать не удастся. Она взглянула на часы и со вздохом поднялась:

– Что ж, мне пора. Спасибо за рассказ...

– Вы рассчитывали узнать больше, верно? – спросила женщина, провожая гостью до порога. – Но знаете, Саша, мы с мужем и сами бы рады знать о своем сыне побольше... А он скрывал от нас все. Буквально все. Наверное, не хотел расстраивать?

Саша сказала, что, конечно, так оно и было, и попрощалась. Андрей Викторович так и не вышел из кухни. Дверь была прикрыта, и оттуда доносилось громкое бормотание радио.

Она с удовольствием взяла бы такси, но чтобы это сделать, надо было где-то продать доллары. В этом окраинном районе обменных пунктов было мало, и Саша не наткнулась ни на один, который работал бы в такое время. Пришлось трястись в ледяном автобусе, потом ехать в метро. Домой она добралась к десяти часам вечера. Ее терзали голод и мысли о муже. Саше очень хотелось, чтобы его не было дома, и в то же время она очень желала узнать – уплатил он алименты или ее родителям придется расстаться с описанным имуществом.

– Уплатил! – вместо «привета» сказал ей Федор, подсовывая под нос квитанцию из нар-суда.

Саша внимательно прочитала ее и вернула обратно. У нее не было настроения ни хвалить мужа, ни поздравлять его. Денег ей было уже не жаль – покой, во всяком случае, дороже. Она только и сказала:

– Надо сообщить родителям.

– Уже.

– Ты им звонил?

– Нет, это они мне звонили на работу, поливали грязью. А когда я сказал, что ты дала мне денег на алименты – они не поверили.

Саша хотела что-то ответить, но Федор, не дожидаясь ее слов, развернулся и исчез на кухне. Оттуда донеслось только какое-то бормотание.

– Что? – переспросила девушка, заглядывая к нему.

– Еще тебе звонила какая-то дама, – бросил муж, не оборачиваясь. Он сидел за столом, уткнувшись в старый хозяйский приемник, и безуспешно пытался настроить его хоть на какую-то станцию.

– Дама? – Саша произнесла это таким убитым тоном, что он не выдержал и взглянул на нее:

– Ну да. А что?

Саша была уверена, что звонила заказчица, хотела узнать, как продвигается работа. Если бы заказчица наткнулась на нее, Саша, может быть, не выдержала бы и выложила ей всю правду. Сегодняшний день вымотал ее. Она побывала в стольких местах, нашла всех родственников художника... А результат был почти нулевой. Единственным достижением можно было считать покупку картины. Да и то от этого легче не стало. Надо было найти ту девушку, на даче у которой торчал восемнадцатилетний Иван. А как ее найдешь, если даже имени ее никто толком не помнит?!

– Чего хотела эта дама? – обреченно спросила Саша.

– Хотела, чтобы я позвал тебя, – хмыкнул Федор. – Да что ты так на меня смотришь? Больше она ничего не сказала. Да! – вдруг припомнил он. – Она ведь представилась! Какое-то имя... Нерусское.

– Нерусское? – удивилась Саша.

– Сейчас, сейчас... – Федор поморщился и вдруг выдал: – Альбина!

Саша не успела ничего сказать. Зазвонил телефон, и Федор первым снял трубку. Послушав, он подозвал Сашу:

– Это опять она. Новая подружка завелась?

Услышав Сашин голос, Альбина взволнованно воскликнула:

– Наконец-то! Где вы ходите, тут такое случилось!

– А в чем дело? – удивилась Саша. – И как вы нашли мой телефон?

Альбина коротко пояснила, что связалась ради этого с Ириной Житной.

– Я вам звоню из той самой квартиры, где мы сегодня были, – огорошила она Сашу. – Хорошо бы вам сюда подъехать.

– О, боже, я так устала, только что порог переступила, – измученно сказала Саша. – Да что у вас там случилось? Почему вы там?

Альбина сказала что-то в сторону – видимо, кроме нее в квартире был кто-то еще. Саше послышался мужской голос, но она решила, что ей показалось. Но в следующий миг она уже забыла и о голоде, и об усталости. Альбина сообщила ей, что ближе к вечеру, часам к шести, она, сидя в своем магазинчике, приняла решение опять навестить Катину тетку и купить у нее что-нибудь еще. Видимо, за день она успела произвести кое-какие коммерческие расчеты и убедилась, что в сложившейся ситуации картины Корзухина можно выгодно продать. А уж купить их сейчас можно буквально за копейки.

– Я поехала сюда и увидела, что дверь открыта. Постучалась, вошла... А тетка лежала в комнате. Мертвая, вся в крови.

– Умерла? – ахнула Саша.

– Убита!

После короткого молчания Альбина повторила свою просьбу – чтобы Саша приехала и дала свидетельские показания.

– Тут милиция, – жалобно сказала Альбина. – Они еще не скоро уйдут. Саша, вы меня поймите! Я оказалась в пустой квартире с трупом, вызвала милицию, должна была как-то объяснить свое присутствие. Подтвердите хотя бы, что утром мы были здесь вместе! Подтвердите, что я покупала картины и хотела купить еще!

На заднем плане опять раздался мужской голос. Альбина заговорила тише:

– Ведь я ушла отсюда первая, а вы еще оставались с ней наедине. Я так и сказала, они уже знают. Вы тоже свидетель, не одна я! Господи, и чего ради меня сюда принесло! Приедете?

– Приеду, – еле выдавила Саша и положила трубку. Федор пытался помешать ей уйти, во всяком случае, он хотел знать, куда это она собралась на ночь глядя.

– Если хочешь, поехали вместе, – бросила Саша.

И он неожиданно согласился.

– Нет, это не она! – заявила женщина, одетая очень странно – тапки на босу ногу, платок, прикрывающий огромные красные бигуди и наглухо застегнутая длинная дубленка. Эта дама была первой, кто обратил внимание на Сашу, когда она в сопровождении Федора вошла в квартиру.

Здесь было полно народу. Милиционеры в форме, человек в грязном белом халате, какой-то мужчина в штатском... Саша озиралась, не зная, к кому обратиться. Дверь была не заперта, да и запирать ее было не на что – замок окончательно сломали.

– Это не та! – Дама в дубленке упорно обращалась к мужчине в штатском. Тот наконец взглянул на Сашу и спросил, что ей здесь нужно. Девушка объяснила, почему она явилась, и ей предложили присесть где-нибудь и подождать.

Саша так и сделала. Альбины она не видела, но из соседней комнаты доносился ее голос. Судя по тембру, кто-то умудрился довести до слез нестигаемую торговку картинами. Саша чуть не порадовалась этому, но тут же осеклась: «Может, скоро и мне придется плакать. Но где же тело? И как это случилось?» На Федора, видимо, подействовала обстановка. Он сразу притих, бросал по сторонам косые взгляды и, судя по всему, жалел, что решил сопровождать жену.

Саша тем временем прислушивалась к тому, что говорила дама в дубленке и бигуди. Она поняла, что это была соседка по этажу, и давать показания она вызвалась совершенно добровольно. Показания снимали в другой комнате, а Саша с мужем устроились в коридоре, на допотопной деревянной скамеечке. Но дверь была открыта, и девушка не только все слышала, но даже кое-что видела. И очень жалела, что сразу не познакомилась с этой дамой. Соседка знала на удивление много и рассказывала очень интересные вещи.

– Это не та, – говорила дама, указывая на Сашу. – Ту бы я сразу узнала. Она явилась как раз перед тем, как убили Катю и Артема, буквально накануне. Я все видела, потому что

пошла выносить мусор. Видела, как та женщина позвонила им в дверь, как открыл Артем и впустил ее.

«Странно, – подумала Саша, внимательно прислушиваясь к ее словам. – Почему ее спрашивают о Кате с Артемом? Ведь убили Нину Дмитриевну?» Но все выяснилось уже при следующих словах свидетельницы:

– И та женщина тоже хотела покупать картины, а на другой день оба убиты. И тут явились эти покупательницы – и в тот же вечер Нину убили. Но это не те. Обе даже не похожи на ту, которая первый раз приходила, та была куда интересней.

Мужчина, разговаривающий с ней, обернулся к Саше – женщина в очередной раз ткнула в ее сторону пальцем. Тут он догадался встать и плотно закрыть дверь. Продолжения разговора Саша уже не слышала. Она томила в ожидании, приглядывалась, прислушивалась и никак не могла понять, что же именно здесь случилось. В комнате, где хранились картины, шелкал фотоаппарат, мертвенно сверкала вспышка. «Наверное, тело все-таки там, – подумала Саша. – За что ее было убивать? Неужели кто-то позарился на деньги, которые она выручила за картины?»

Наконец ее пригласили в комнату, где всхлипывала Альбина. Девушка крепко пожала локоть мужа и шепнула, чтобы он остался в коридоре. Увидев Сашу, хозяйка магазина сипло сказала:

– Вот она может подтвердить, что я ушла первая!

– Да, так и было, – растерянно подтвердила Саша. – Но я до сих пор не знаю, что случилось...

Альбине разрешили уйти в коридор, но попросили пока из квартиры не выходить. Теперь ее всхлипывания глухо доносились из-за прикрытой двери. Она не останавливалась ни на минуту. В другое время Саша ни за что бы не поверила, что эту даму можно довести до такого состояния.

– Паспорт у вас при себе? Можно взглянуть? – довольно вежливо обратился к ней мужчина в штатском. Саша протянула ему документы и через минуту получила их обратно.

– Ну, что ж, Александра Юрьевна, расскажите про ваши сегодняшние приключения, – неожиданно весело продолжал мужчина, в свою очередь представившись девушке.

Саша, нервно запинаясь, рассказала, что интересовалась творчеством Ивана Корзухина, узнала, что его картины находятся у жены, позвонила, наткнулась на тетку, от нее узнала про гибель Кати и Артема... Потом приехала, поговорила с женщиной и купила одну картину. Закончив рассказ, она развела руками:

– Я даже не знаю, что еще сказать. Как же все это случилось?

– Ударили женщину по голове, потом добили, приложив об батарею, и обокрали квартиру, – кратко сообщил следователь.

– Да что тут было красть?!

– Как же? А картины?

Саша даже привстала со своего стула:

– Украли картины?! Все?!

– Все, до последней бумажки, – подтвердил тот. – Так что я и сам ни одной не увидел. А вы что – тоже торгуете картинами?

– Нет, я для себя покупала, – Саша сообразила, что ее приравняли к Альбине, и даже обиделась.

– Но разбираетесь в искусстве?

– Ну, я закончила Академию художеств в Питере.

Следователь уважительно качнул головой (или изобразил уважение):

– Тогда конечно. И что же, этот Корзухин и впрямь был таким ценным приобретением? Что это вокруг него столько шума? Третьяковку давно не обкрадывали, а вот Корзухина обокрали.

– Я ничего не понимаю! – призналась Саша. – Я думала, что никто им вообще не интересуется! Многие даже имени его не слыхали! А теперь вы говорите, что картины украли... Да тетка бы их недорого продала, даром бы отдала, если на то пошло! Неужели она из-за них с жизнью рассталась! А деньги?

– Деньги-то при ней, – машинально ответил следователь и вдруг спохватился: – Кстати, о деньгах. Я спрашивал вашу знакомую, сколько же она заплатила за купленные картины. Она назвала сумму в полторы тысячи рублей, за семь картин. Это правда?

Саша молча кивнула.

– Это что, был аванс? – настойчиво интересовался следователь.

– Это была вся сумма, – со сдержанной злостью ответила Саша. – Альбина просто решила ковать железо, пока горячо.

– А вы за свою картину сколько дали?

– Тысячу рублей. Больше не могла, я сама без работы. А по совести сказать, эта картина стоит куда больше. Во всяком случае, будет стоить больше.

Следователь кивнул:

– Ясно. Значит, картины все же имели какую-то ценность? А то удивительно, зачем же их крали, если им цена полторы тысячи рублей за семь штук. Это, если разделить, получается по двести рублей за штуку. Что-то недорого!

– Простите, вы ведь сказали, что вор денег у нее не взял? – решила перебить его Саша. Эта деталь очень волновала ее. И следователь подтвердил, что деньги найдены в кармане кофты, в которую была одета Нина Дмитриевна.

– Это ужасно, – тихо сказала девушка. – Какое-то злосчастье вокруг этих картин! Когда их пытались продать – никто не брал. Семья художника умирала с голоду. А когда Катя с Артемом и вправду умерли, на картины набросились... Даже до убийства дошло!

– Набросились-то еще раньше, – сообщил ей следователь. И когда Саша непонимающе взглянула на него, пояснил, что накануне того дня, когда погибли жена и сын художника, к ним в гости явилась какая-то дама и просила продать одну из картин. Когда же Екатерина Корзухина ей отказала, дама выслала ее в другую комнату, попросила принести воды, сделав вид, что ей стало дурно. За те две минуты, пока хозяйка отсутствовала, визитерша успела украсть картину.

– Откуда же вы это знаете? – воскликнула Саша. – Ведь Катя умерла!

Оказалось, что в тот же вечер, когда ее обокрали, несчастная женщина пожаловалась на это соседке – той самой, которая только что дала показания. Соседка призналась, что в тот вечер не совсем поверила Кате. «Кому его картины нужны! – заявила она. – Катя и сама хотела бы их продать, да никто и даром не брал! Я тогда решила, что у Кати очередное обострение... У нее случалось. Она была не совсем в себе. Сойдешь с ума от такой нищеты!» Но когда Екатерина Корзухина вместе с сыном была отравлена, соседка призадумалась. Она еще долго колебалась – верить в рассказ об украденной картине или нет? Но сегодняшнее происшествие убедило ее в том, что Катя говорила правду.

– Но почему же Корзухина не хотела продать ей картину? – задумчиво произнесла Саша. – Ведь они в самом деле страшно нуждались...

– По словам соседки, Екатерина Корзухина объясняла это тем, что мужу был очень дорог этот пейзаж, – вежливо пояснил следователь.

– Пейзаж? – У Саши перехватило горло. – Какой пейзаж?..

Глава 5

Следователь недолго задержал Сашу. Он только спросил, во сколько сегодня днем ушла из этой квартиры Альбина и во сколько – сама Саша. Девушка припомнила точное время и даже назвала свидетельницу своего ухода – женщину с коляской, которая объясняла ей дорогу в ЖЭК.

– А зачем вам понадобился ЖЭК? – поинтересовался следователь.

Саша честно пояснила, что хотела отыскать самого Корзухина и в ЖЭКе получила адрес, где он был прописан прежде. Следователь, как ни странно, не настаивал на более подробных объяснениях. Он только сказал Саше, что на днях вызовет ее, чтобы она подписала свои показания, и выключил диктофон.

– Ну, все? – нервно спросил Федор, когда Саша вышла в прихожую. – Пошли отсюда. Ты знаешь, что уже половина первого?

Федор подхватил ее под руку и потащил на лестничную площадку. Она понимала его беспокойство и знала, что теперь муж наверняка не выспится и отправится на работу с тяжелой головой. Но Саша думала не об этом. С того момента, как она услышала об украденном пейзаже, все мысли вертелись вокруг него. «Поговорить бы с соседкой, – она взглянула на две соседские двери. – Она видела ту даму, которая украла картину... Ой, сдается мне, что и я ее видела!» Саша колебалась. Ей очень хотелось узнать, как выглядела воровка. Но время действительно было позднее, соседка могла лечь спать, а Федор настойчиво тянул Сашу вниз. Она пошла за ним.

У подъезда ее догнала Альбина. Видимо, ее отпустили сразу после того, как сняли показания у Саши. Женщина так и набросилась на нее, даже не успев отдышаться:

– Ну, о чем вы говорили? – возбужденно спросила она.

– Наверное, о том же, что и вы, – бросила девушка. Она видеть не могла эту даму. При одном взгляде на хозяйку магазина в ней поднималась глухая ненависть – застарелая, давно известная вражда художника и торговца. И хотя самой Саше не удалось еще продать ни одной своей картины, она заранее знала, что при продаже будет обманута. Пример Корзухина очень подействовал на нее.

Но Альбина не отступала:

– Про меня говорили?

– Я сказала, во сколько именно вы ушли, не волнуйтесь.

– Да плевать мне на это! – перебила та. – Вы сказали, какие именно картины я купила? Я-то сказала, что вы купили один портрет!

Саша пожала плечами:

– Я и сама толком не видела, что вы купили. Назвала цифру семь, вот и все. Следователь это и сам знал. Да в чем дело?

– Да в том, что картины-то украли! И мне сказали, чтобы я предоставила купленные картины в распоряжение следствия. Вплоть до его окончания. Вы представляете? Меня приняли за воровку! Если бы вы вспомнили, что именно я покупала – тогда другое дело. Я же расплачивалась при вас! Украли-то другие картины – всякую дрянь завалящую!

Федор слушал Альбину в каком-то остоленении. Судя по всему, он никак не ожидал, что его жена замешана в таком запутанном деле. Саша не выдержала:

– Если там была дрянь завалящая, зачем же вы вернулись ее купить?

Альбина гневно выдохнула пар, развернулась и отправилась к своей машине. Разумеется, подвезти Сашу до дома она не предложила.

– Кто это такая? – спросил Федор, когда синий «Крайслер» исчез за поворотом.

– Стервятница, – коротко ответила Саша и сказала, что тоже устала и хочет спать.

Только усталость спасла ее от объяснений с мужем. Саша отговорила тем, что у нее уже язык не ворочается, нырнула в постель и закрыла глаза. Она слышала, что Федор бродит по квартире, будто забыв о своей работе и о том, что ему тоже надо выспаться. «Наверное, уже сомневается, что я провела время с любовником, – думала Саша, чувствуя, что мысли начинают странно путаться сквозь дрему. – Кому я нужна... Кому были нужны картины?.. Пейзаж...»

Она вдруг ясно увидела перед собой кусты малины, где уже начинали наливаться ягоды. Между кустов светлела дорожка, и по этой дорожке она пошла к серому от времени бревенчатому дому, вдыхая жаркий, влажный июльский воздух. Стремительно темнело – надвигалась летняя гроза, небо чернело с каждой секундой. В темном окне показалась белая тень. Тень подняла руку, слабо махнула, будто приглашая в дом, и снова исчезла в темноте.

Саша долго давила то на одну кнопку звонка, то на другую – и все безуспешно. То ли соседей Кати Корзухиной не было дома, то ли они еще спали. Было всего десять часов утра.

Сегодня Саша вскочила с постели сразу после того, как Федор ушел на работу. Она твердо решила отправиться в уже знакомый дом и расспросить вчерашнюю свидетельницу. Ей не давала покоя мысль, что дама, украсившая у Кати пейзаж, и заказчица, которая принесла ей картину на реставрацию, одно и то же лицо. «Если она украла картину, то понятно, почему оценила ее так дорого. По крайней мере, для нее она имела большую ценность! Не верю, что эта дама – профессиональная воровка! У нее, конечно, нет нужды воровать! Украла она потому, что картину ей не хотели продать ни за какие деньги!» И если до вчерашнего вечера Саша боялась, что с нее потребуют десять тысяч долларов, то теперь она начала бояться за свою жизнь. «Ведь Катя с Артемом были убиты! Эта дама вполне могла их отравить! Подсыпать во время визита какой-нибудь дряни в чайник! Но чтобы поджечь квартиру... Для этого она должна была вернуться! Чтобы так замечать следы, так рисковать, нужно иметь очень серьезную причину! Неужели все дело в этом проклятом пейзаже?!»

Саша снова нажала кнопку звонка и уже было собралась уходить, когда за дверью послышался сонный женский голос:

– Да сейчас, подождите...

Лязгнули замки, и дверь чуть-чуть приоткрылась. Саша обрадовалась, увидев, что в щели показалась та самая соседка, да еще в тех же красных бигуди. Видимо, женщина не снимала их всю ночь.

– Вы к нам? – удивленно спросила женщина и вдруг узнала Сашу: – А, так вы вчера приезжали!

– Да, и мне нужно с вами поговорить, – умоляюще сказала Саша. – Очень нужно!

Женщина заколебалась, оглянулась назад и, видимо, немного успокоилась.

– Ладно, заходите, только тише, муж еще не вставал, – сказала она, впуская Сашу в квартиру.

Хозяйка провела девушку на кухню. Квартира была точной копией той, где жили Корзухины. Но у Корзухиных не было ремонта чуть ли не со времени постройки дома. Здесь же все сияло чистотой, мебель была новенькая, дорогая, хотя и безвкусная. Над кухонным столом в фальшивой бронзовой раме висел «роскошный» натюрморт рыночного производства. «Уж могла бы поддержать соседку и купить у нее приличную картину, – подумала Саша, взглянув на это роскошное убожество в рамке. – Хотя корзухинские картины бледно выглядят по сравнению с такой прелестью».

– Квартиру-то опечатали, – сообщила соседка, включая электрический чайник и принимаясь срывать с головы бигуди. Она бросала их в первую попавшуюся миску, и бигуди звонко шелкали о фарфор. Соседка причесалась несколькими яростными взмахами щетки, и у нее над макушкой взвилось пышное каштановое облако. – Кстати, меня зовут Валентина Георгиевна.

Саша представилась и объяснила, что она художница, недавно заинтересовалась творчеством Корзухина, но уж никак не думала, что вокруг него закипели такие страсти.

– Неужели все картины украли? – спросила она.

– Все-все, – кивнула Валентина Георгиевна. – Мне ли не знать!

– А вы что – все его картины видели?

Женщина усмехнулась и объяснила, что она живет здесь уже двадцать пять лет. Была знакома с Катиными родителями, а когда Катя вышла замуж – стояла в первых рядах у подъезда и кидала в новоборачных конфеты, «чтобы жизнь казалась слаще». Женщина насыпала себе и госте кофе, налила в чашки кипятку, сделала глоток и наконец окончательно проснулась.

– Конечно, я видела его картины, я ведь часто к ним заходила, – вздохнула она. – Я ему говорила: «Ваня, напиши что-нибудь посимпатичнее, я у тебя первая куплю!»

– А он?

– Он только улыбался. Симпатичный был мужик, хотя и с придурью, как все они... – Валентина Георгиевна выразительно округлила глаза: – Семейка подобралась та еще. Даже Артемка был ненормальный. Никогда не гулял, ничем, кроме книжек, не интересовался. Потому и вырос такой больной, заморенный.

Женщина охотно поведала, что часто поддерживала нищих соседей. То денег им одолжит, то хлеба, молока купит, если Иван опять в бегах, а Катя больна. И все это бескорыстно. О какой корысти речь, если денег у них никогда не водилось, а картины Ивана ей были не нужны?

– А раньше их никогда не обкрадывали? – поинтересовалась Саша.

– Никогда. По-моему, воры просто так в квартиру не полезут. Ну, что с них взять? Даже на дверь посмотришь, и сразу ясно – живут какие-то нищие.

– А Катя вам не говорила, какую именно картину у нее украли?

Женщина завела глаза к потолку и задумчиво произнесла:

– Да чепуху какую-то очередную... Пейзаж, она сказала. Что-то на тему деревни... Не помню я этой картину.

– Не помните? – разочарованно переспросила Саша. Конечно, она не рассчитывала, что соседка способна в мелочах припомнить похищенную картину. Но девушка надеялась, что та запомнит хоть какие-то детали. Однако соседка покачала головой и снова принялась за свой кофе:

– Нет, не видела я этого пейзажа. Да честно говоря, если б и видела, то не запомнила бы. И что его украли? Ничего стоящего Ваня все равно нарисовать не мог. Или мог, но не хотел, – поправила она.

– Почему же Катя не продала эту картину, когда та дама предлагала купить? – поинтересовалась девушка. – Ведь ей, наверное, предложили хорошие деньги?

– Ага, Катя говорила, что та предлагала двести долларов, а потом пятьсот, – согласилась соседка. – Но я, честно говоря, решила, что Катя просто погнала. За пятьсот можно приличного художника купить, какая дура будет отдавать такие деньги за Корзухина? Кто его знает? Кому он нужен?

Валентине Георгиевне больше не требовались наводящие вопросы. После вопроса о деньгах она необыкновенно оживилась и сама поделилась всеми своими впечатлениями. Рассказала, как трудно жили Катя с Артемом, каким никудышным мужем и отцом был Иван. Вспомнила, что в последнее время у Кати даже хлеба было не на что купить – так что рассказ о пятистах долларах за картину действительно казался выдумкой больной женщины. Наконец соседка дошла до событий того вечера, когда погибли Катя и Артем.

– Я пошла выносить мусор. Когда шла обратно, лифт уже не работал, он у нас каждый час ломается. Я пешком лезла на шестой этаж. Остановилась передохнуть на последней площадке, смотрю наверх и вижу, что у Катиной двери стоит какая-то дама и жмет на звонок. Я ей еще сказала, что звонок давно перегорел и чтобы она стучала. Она на меня посмотрела... – Вален-

тина Георгиевна презрительно поджала губы. – Как на вошь какую-то. Бывают такие дамочки, ничего из себя не представляют, только мужья у них богатые, а уж корчат рожи...

Судя по описанию соседки, дама выглядела шикарно. Даже обидевшись на нее за презрительный взгляд, Валентина Георгиевна не могла обойти тот факт, что женщина все же была красивая, стройная и одета великолепно.

– На ней была коротенькая шубка – я уж не разглядела, то ли из темной норки, то ли из соболя. Не из кролика, во всяком случае. В ушах – вот такие камешки! – Валентина Георгиевна жестом изобразила серьги. – Можно сказать – в каждом ухе по хорошей машине, если на деньги пересчитать! На голове – симпатичная круглая шапочка, из того же меха, что и шубка. В тот день было очень холодно.

Саша уже плохо владела собой. Она все больше убеждалась, что дама и есть ее заказчица. Когда Валентина Георгиевна упомянула, что сперва решила, будто дама – не русская, так как внешность имела «довольно южную», у Саши не осталось никаких сомнений. Это была она, ее заказчица!

– А через час, в десять вечера, ко мне приплелась Катя, – возбужденно рассказывала Валентина Георгиевна. – Вот именно – приплелась, по стеночке пришла, лицо даже не бледное, а синее какое-то. Я уже хотела ей «скорую» вызвать, но она сказала, что не надо, само пройдет.

Катя рассказала соседке, что только что у нее была женщина, которая очень интересовалась картинами Ивана и хотела купить один из пейзажей. Но муж, по словам Кати, очень дорожил именно этим пейзажем и всегда держал его отдельно, обернутым в старый холст. Катя показала его госте только потому, что та восхищалась творчеством Корзухина и хотела увидеть все, буквально все. Дама тут же предложила купить эту картину, но Катя ей отказала. Дама надбавила цену, но Катя твердо объяснила, что купить можно любую картину, кроме этой. После этих слов дама страшно взволновалась, вся посерела, взялась за сердце и сказала, что ей нехорошо. Она попросила дать ей водички, чтобы запить таблетку. Катя вышла из комнаты и через пару минут вернулась со стаканом. Дама выпила воду, никакой таблетки не приняла, вернула стакан, поблагодарила и торопливо ушла. Она больше не пыталась торговаться, что очень удивило Катю. Но ей даже в голову не пришло, что такая шикарная дама может ее обокрасть. Только через десять минут после ухода госты, наводя порядок среди разбросанных по комнате картин, Катя поняла, что злополучный пейзаж исчез. Она глазам своим не поверила, все перерыла, но картины так и не нашла.

– Она у меня полчаса просидела, и я видела, что ей все хуже и хуже, – вздохнула соседка. – Говорила я – вызовем «скорую». Нет и нет, ни в какую! Пошла к себе, сказала, что сын остался один. Носилась она с ним, как с младенцем, а парню-то уже восемнадцать было!

Валентина Георгиевна почувствовала запах гари часа через три. Обычно, она в такое время уже спала – был второй час ночи. Но в тот вечер она сильно запозднилась со стиркой, да и Катя ее задержала. Поэтому управилась она с делами только после полуночи. Она почувствовала неладное, лежа в постели с журналом, который решила почитать на сон грядущий. Накинула халат, открыла входную дверь и долго принюхивалась, высунув голову на лестницу. Валентина Георгиевна решила сперва, что кто-то поджег почтовые ящики на первом этаже – такое часто случалось, хулиганья расплодилось видимо-невидимо. Но, спустившись ниже этажом, Валентина Георгиевна убедилась, что дыма там куда меньше, чем на шестом. Тогда она принюхалась к соседским дверям и обнаружила, что пахнет из квартиры Корзухиных. Она стучала, кричала, разбудила и позвала на подмогу мужа, вызвала пожарных. Они и взломали дверь – муж Валентины Георгиевны побоялся это сделать под свою ответственность.

– Горело на кухне. Я сама не видела, меня туда не пустили, уже потом сказали, – вздохнула женщина. – Скатерть сгорела, стол обуглился, старые газеты всякие... Да, если бы в комнате пошло и взорвались все эти ацетоны и растворители – конец бы всему этажу, сгорели бы, как цыплята в духовке. Стены-то здесь деревянные, вы не смотрите, что дом такой солидный!

И перекрытия все на дранке, бетона тут нет. Пожарные, слава богу, все пеной залили и сказали, что больше не возгорится.

Когда пожарные ворвались в квартиру, Катя с Артемом были уже мертвы. Сперва показалось, что они отравились дымом, но когда их вынесли из квартиры и попытались оказать первую помощь, то обнаружили, что трупы уже окоченели.

– Потом экспертиза показала, что погибли оба примерно в одно время, где-то за час до пожара. И отравлены были каким-то лекарством, сердечным, что ли? Катя была сердечница, но такого сильного лекарства не принимала. Да, честно говоря, у нее на сильные лекарства и денег-то не было, они же дорогие. Так, пила то корвалол, то валидол, то валокордин. И у меня ничего такого нет, я и не дала бы ей что попало! – пригорюнилась Валентина Георгиевна. – Меня же потом следователь допрашивал – тот самый, кстати, что и вчера. Я ему всю свою аптечку вывернула, он все посмотрел. Да и какой мне расчет травить Катю?! И потом, как бы я до Артемки добралась, если он ко мне уже полгода как не заходил? К ним я в тот вечер тоже не ходила. Короче, ясное дело, что их отравили, а квартиру подожгли. И я Богу молюсь, что не оплатила Кате счета за газ, потому что если бы газ был подключен – прощай весь подъезд! Уж рвануло бы всерьез! Вот ведь гадина такая, это же надо додуматься – поджечь квартиру!

Саша уточнила, что по мнению соседки, квартиру подожгла та самая дама, которая украла картину.

– А разве она сюда возвращалась? – спросила Саша. – Ведь получается, что квартира загорелась почти через пять часов после ее визита! А умерли Катя с Артемом через четыре часа!

– Откуда мне знать? – бросила та. – Я все время у «глазка» не торчу, у меня свои дела есть. Может быть, и вернулась. Да вам-то какое дело?

Вопрос был резонный. Саша не смогла бы на него ответить так, чтобы не вызвать подозрений. Она отговорила тем, что тоже боится ограбления, а может, чего похуже. Ведь она купила картину Корзухина, а если за ними идет такая охота... Соседка выслушала ее без особого доверия, но все же смягчилась:

– Да, времена настали страшные. А вы бы поставили себе хорошую железную дверь, тогда и спишь крепче.

– Обязательно поставлю, – сказала Саша, которая вовсе не собиралась этого делать. Она попрощалась с Валентиной Георгиевной, и та не стала ее задерживать.

Выйдя на лестничную площадку, Саша бросила взгляд на опечатанную дверь квартиры Корзухиных. Ей вспомнилась Катина тетка, а также то, за какие гроши та соглашалась продать картины Ивана. «Неужели с ней нельзя было договориться? – подумала Саша. – Не верю. Значит, договариваться не собирались, а сразу задумали ее убить. Ни один хозяин художественного салона так бы не поступил! В любом случае, попытались бы купить картины подешевле, а не убивать владелицу. Значит, обычные воры? Но для них картины Корзухина никакой ценности не имеют, а кроме того, квартира нищая, это и впрямь видно даже по двери. Они бы сюда не полезли. Но кто это мог сделать? Откуда такая бессмысленная жестокость? Ведь женщину даже не обыскали, не полезли в карман, где были деньги. Охотились только за картинами».

Саша спустилась во двор и отправилась к метро. Она больше не собиралась рыскать по всему городу, выискивая людей, которые могли бы видеть уничтоженный пейзаж. Саша уже успела убедиться в том, что это очень трудно и, скорее всего, вообще невозможно. Девушка приняла другое решение. В том случае, если заказчица явится и предъявит претензии, Саша решила сообщить, что происхождение картины ей известно. «Пусть тогда предъявляет претензии, у меня тоже появились претензии! Она принесла мне краденку, да еще, возможно, убила Катю с Артемом! А если это не так – пусть сперва докажет!»

У Саши была еще одна идея – не дожидаться визита клиентки вообще, а обратиться к следователю, рассказать ему всю правду. Ведь он тоже ищет эту женщину, судя по описанию

– ту самую. И в принципе, Саша не должна была молчать о ней. Девушка придумала и такой выход – когда заказчица позвонит, известить об этом следователя, и женщину возьмут, когда та явится за готовой картиной.

В последнем варианте Сашу пугало то, что в ее квартире устроят засаду. А в первом – то, что заказчица может не испугаться угроз и расправиться с Сашей, как расправилась с матерью и сыном Корзухиными, а может, и с Ниной Дмитриевной. Но Саша все же предпочла первый вариант. «Все это – слишком щекотливое дело, – подумала она. – Я тоже все время терлась возле квартиры Корзухиных. Как я докажу, что не знала, будто мне принесли краденку? И почему я сразу не сказала следователю, что эта картина, возможно, у меня?» Она решила устроить так, чтобы при очередном визите заказчицы в квартире находился кто-то еще. «Назначу встречу на вечер, когда муж будет дома, или попрошу приехать родителей. Уж при посторонних она не посмеет меня убить!»

Дома она прежде всего развернула купленную вчера картину и внимательно ее рассмотрела. Сашу немного удивляло то, что следователь ничего не сказал ей насчет этой покупки. Ведь Альбине было приказано сдать все купленные картины вплоть до окончания дела. «Почему же меня не тронули? – Девушка рассматривала портрет. – Неужели мне доверяют? Вряд ли, хотя Альбина, конечно, куда подозрительней. Она торгует картинами, а я нет. Ей они были нужны в большом количестве, для перепродажи. А я покупала один портрет, для себя. У нее были мотивы украсть, да она, в сущности, так и сделала! Платить такую смехотворную цену за семь полотен – это почти воровство!»

Сегодня портрет казался ей еще интересней. Ведь Саша уже знала – это та самая девушка, в которую был влюблен молодой художник. Та самая, которая через два года даже видеть его не захотела. Из-за которой, возможно, он и спился, назло которой женился, из-за чего вся его жизнь пошла кривь и вкось. Мать Корзухина сказала, что в этой девушке есть что-то большее, чем просто красота. И Саша была с ней согласна. В шестнадцать лет эта девушка красавицей еще не была. Но возможно, потом... Потом...

– Боже, какая я дура, – прошептала Саша, глядя на портрет. Девушка на картине смеялась, будто соглашаясь с ее словами. – Это же она и есть!

Она попыталась вспомнить лицо заказчицы. Конечно, со времени написания портрета прошло двадцать два года, целая жизнь! Женщина очень изменилась. Сейчас ей было тридцать восемь – как и предполагала Саша во время ее визита, присмотревшись к ней внимательней. Лицо приобрело определенные, даже резковатые черты. Дразнящая и лучезарная улыбка исчезла, взгляд черных глаз стал твердым, тускловатым и непроницаемым. Бриллианты, соболя, умело наложенная косметика – как далеко она ушла от своего белого полотняного сарафана и тонкой цепочки на шее! Но это была она, заказчица, воровка и, возможно, убийца!

Эта догадка совсем подкосила Сашу. Она тупо глядела на портрет, пытаясь понять хоть что-то. «Мать Ивана говорила, что дача принадлежала этой девушке. Значит, заказчица должна знать, что находится в левом углу, под темным пятном. Мне ее не обмануть...» Потом мысли принимали другое направление, и Саша думала о том, зачем понадобилась женщине эта картина? Двадцать лет назад она оттолкнула художника, который ее написал, и две недели назад пошла на то, чтобы украсть эту картину у нищей жены этого художника? И почему же она тогда не пыталась купить свой портрет, тот самый, на который сейчас глядела Саша? Не заметила портрета? Он ее не интересовал? Для нее был важнее общий вид собственного деревенского дома?

Она так ушла в свои мысли, что чуть не проворонила телефонный звонок. Саша едва успела добежать до кухни и схватить трубку. Она думала, что абонент уже отключился, но услышала чуть севший женский голос, который назвал ее имя и попросил ее к телефону.

– Я вас слушаю, – сказала Саша и тут же сообразила, кто это звонит. Голос был слишком характерный. – Люся, это вы?!

– Ага, – женщина сипло вздохнула. – Я совсем простужена, не могу громко говорить... Саша, я насчет ваших вчерашних вопросов. Помните, я говорила про день рождения на даче?

– Конечно, помню. Неужели удалось что-то узнать?

– Удалось, – радостно подтвердила Люся. – Конечно, я сама не вспомнила, но позвонила старым подругам, и вторая же мне все подробно рассказала.

Люся сообщила, где именно находился тот дачный поселок, в котором происходило празднество. Саша даже записывать не стала – с первых же слов Люси она убедилась, что дом находится совсем не в той стороне. А уж когда Люся дошла до описания самого дома: «Первый этаж каменный, второй – деревянный, то есть это, скорее, даже мансарда...», – Саша ее прервала:

– Большое спасибо, мне вполне достаточно.

– Да? – удивилась Люся. – Ну, как хотите. А я еще кое-что нашла.

И сообщила, что вчера, после ухода Саши, она все время думала о Корзухине, так что даже с ужином опоздала, и вся семья сидела голодная. И, второпях чистя картошку, Люся вдруг сообразила, что последний раз ремонт в квартире делали еще до того, как Иван ушел в армию. Она имела в виду, конечно, ремонт общих помещений – таких, как кухня, ванная, коридор. В комнатах жильцы все-таки поддерживали порядок. А вот в прихожей с тех пор обои не переклеивались, дверные косяки не красились... Саша все еще не понимала, в чем дело, когда Люся сообщила:

– Я это все к чему говорю? На стене, где раньше висел телефон, сохранились записанные номера. Карандашные, конечно, стерлись, а вот те, которые ручкой писали, остались. И на косяке ванной тоже.

Она пояснила, что такое безобразие случалось потому, что не всегда находилась под рукой бумажка, а записать чей-то телефон было нужно. Особенно если разговор был важный – а такие разговоры всегда велись в ванной комнате, чтобы никто не слышал.

– Я сама сколько телефонов нацарапала на косяке! – смущенно призналась она. – Нас за это ругали, но нам было плевать. Конечно, это молодежь изощрялась. Так вот, Иван тоже кое-что записывал. Я вчера все эти номера переписала, все стены с лупой облазила, а муж фонариком светил, там свет плохой. Кое-какие телефоны я опознала – они мои, я даже вспомнила чьи. А есть штук пять незнакомых, наверное, это Иван нацарапал. Хотите, я их дам? Может, найдете каких-нибудь его друзей. Нормальных друзей, а не здешних алкашей. Они-то его давно забыли, все мозги пропили.

Саша сказала, что, конечно, хочет получить эти телефоны. И Люся с готовностью их продиктовала. Три номера были без комментариев, под одним значилось имя «Денис», а под другим – «Лариса».

– Как? – переспросила Саша, записав этот номер. – Лариса? А девушку, с которой он дружил до армии, звали не Ларисой?

Женщина призадумалась и сказала, что она с этой девушкой была не знакома. Лучше спросить у Ивановых родителей. Может, и Лариса, кто знает? Саша не стала настаивать, чтобы Люся напрягла память, поблагодарила ее и попрощалась. Люся заливисто закашлялась и повесила трубку.

«Что толку от этих номеров? – Саша просмотрела бумажку. – Зачем они мне?» Она представила ситуацию, что звонит этой Ларисе, случайно натывается в ее лице на свою заказчицу и сообщает, как именно ее нашла. Реакция заказчицы? Сашу даже передернуло. «Если у нее в самом деле богатый муж... Наймет какую-нибудь сволочь, чтобы избить меня или убить. А может, и сама не побрезгует мною заняться. Уж она-то не потерпит, чтобы ее обвинили в воровстве или в убийстве! Получается, что я все это раскопала! О, господи!»

Все поиски правды вдруг показались ей такими жалкими и сомнительными. А надвигающаяся опасность – такой реальной! Осталось всего четыре дня, чтобы придать картине первоначальный вид! Это спасло бы Сашу от расплаты по счетам. А расплата была бы неизбежной.

– Надо работать, – сказала она себе. – Надо делать хоть что-то! Скопирую хотя бы фотографию, пока руки не опустились... А уж там...

Она подошла к мольберту, очистила старый холст и достала коробку с гуашевыми красками. Саша почти не пользовалась ими, и поэтому работа мало-помалу поглотила все ее внимание. Копируя картину по фотографии, она так увлеклась, что забыла даже о том, чего ради этим занимается. Работа доставляла ей удовольствие. Она работала весь день, до самого вечера, и только пару раз оторвалась от холста, чтобы выпить чаю. Делала пару глотков и снова возвращалась к мольберту.

В седьмом часу вечера копия была готова. Вся, за исключением нижнего левого угла. Как он ей осточертел! Саша закрыла глаза и быстро помолилась, чтобы случилось чудо, чтобы ей хоть привиделось, что должно быть в том углу! Открыла глаза, взглянула на картину и вздохнула:

– Все это хорошо, Сашенька, и копируешь ты неплохо... Но чудес не бывает, и десять тысяч долларов тебе взять негде. Придется сдавать заказчицу милиции. Туда ей и дорога!

В тот же день, в половине восьмого, в подъезд, где располагалась квартира Корзухиных, вошел мужчина в легоньком, не по сезону, плаще. На первом и втором этаже было темно, но мужчина уверенно поднимался по лестнице, будто знал наизусть все ступеньки. Лифт, как обычно, не работал, и это тоже его не удивляло.

Поднявшись на шестой этаж, мужчина остановился у деревянной двери, машинально потянулся к звонку, но тут же отдернул руку. Он полез в карман, достал связку ключей и уже собирался было открыть верхний замок, как вдруг его внимание привлекли печати. Он наклонился, рассматривая их, и тут за его спиной хлопнула дверь соседской квартиры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.